

Чемодан миссис Синклер

Автор:

[Луиза Уолтерс](#)

Чемодан миссис Синклер

Луиза Уолтерс

Азбука-бестселлер

Захватывающий роман, повествующий о семейных тайнах, родственных душах и упущенных возможностях. Две параллельные истории, разделенные пятьюдесятью годами, полные тайн, самопожертвования, лжи и любви...

Наше время. Англия. Роберта любит коллекционировать письма и открытки, которые попадают ей в старых книгах. Однажды отец передает Роберте чемодан с книгами ее бабушки, и в одной из них девушка обнаруживает удивительное и волнующее письмо. Оно написано ее дедом, которого она никогда не видела. Ей всегда говорили, что дед погиб на войне. Однако письмо написано несколькими месяцами поз же даты его предполагаемой смерти в бою...

Вторая мировая война. Брак с Альбертом не приносит Дороти счастья. Сейчас ее муж на войне. В один из дней на поле за ее домом разбивается военный самолет. Так Дороти знакомится с командиром эскадрильи Яном Петриковски. Они влюбляются друг в друга. Дороти кажется, что теперь она нашла свое счастье. Но судьба распорядилась по-иному. В жизни Дороти появляется тайна, отзвуки которой и через очень много лет будут будоражить ее внучку...

Потрясающее произведение о двух мирах, один из которых разрушен секретами, а другой – правдой.

Впервые на русском языке!

Луиза Уолтерс

Чемодан миссис Синклер

Louise Walters

MRS SINCLAIR'S SUITCASE

Copyright © Louise Walters 2014

The right of Louise Walters to be identified as the Author of the Work has been asserted by her in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved First published in Great Britain in 2014 by Hodder & Stoughton An Hachette UK company

© И. Иванов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

***

Эту книгу с любовью посвящаю Айану, Оливеру, Эмили, Джуд и Стэнли

8 февраля 1941 г.

Моя дорогая Доротея!

Во время войны людей охватывает отчаяние. Порою мы не узнаем самих себя. А правда в том, что я тебя люблю и, к сожалению, только сейчас это по-настоящему осознал. И ты меня любишь. Я никогда не забуду твоих прикосновений. Думая, что я сплю, ты провела рукой по моей голове и шее. Это было прикосновение любви, реальное, а не придуманное. Никто и никогда не сможет коснуться меня с такой же нежностью. Я это знаю и понимаю, что? я потерял.

Прости меня, Доротея, ибо я не смогу тебя простить. Ты поступаешь неправильно и по отношению к этому ребенку, и по отношению к его матери. Чем-то судьба малыша похожа на мою. Я ведь тоже был вынужден покинуть родину, куда вряд ли вернусь. И ты тоже не вернешься, если станешь упорствовать в своем замысле. Но ты станешь упорствовать. Впрочем, и сейчас уже ничего нельзя исправить. Знаю: ты ничего не будешь исправлять. Твоя душа окажется в плену из-за твоих сегодняшних решений и не сможет вырваться. Пожалуйста, поверь мне. Принимая в свои объятия одного, ты непременно должна потерять другого. Я не смогу этого выдержать, и ты знаешь почему.

Мне вовсе не доставляет радости писать тебе все это. Я пишу и плачу. После окончания войны (а она должна закончиться) мы смогли бы жить вместе. Жизнь с тобой стала моей величайшей мечтой и желанием. После нашей первой встречи, едва я сел на велосипед и поехал обратно, я уже тогда понимал: ты мне необходима, как вода. Необходима во все времена и тогда, когда время исчезнет. С первых минут знакомства с тобой мне захотелось на тебе жениться. Но это невозможно. Ты честная женщина, достойная уважения, однако твои нынешние действия не отвечают этим качествам. Ты изо всех сил стараешься быть хорошей, и тем не менее твои поступки уничтожают результаты твоих усилий, навлекая на тебя позор. Мне не удастся точно выразить все свои мысли, но ты поймешь. Моя прекрасная, удивительная Доротея, что бы сейчас ни думал и ни чувствовал каждый из нас, на этом наша дружба должна прекратиться. Желая тебе обрести все радости этого мира.

Твой Ян Петриковски

(Это письмо я нашла между страниц книги, изданной в 1910 году. Книга называлась «Развитие ребенка. От долины разрушений к непреходящей славе». Книгу я положила Филипу на стол для оценки, что он и сделал, оценив ее в скромные пятнадцать фунтов. После этого она заняла свое место в шкафу с антикварными изданиями.)

Я привожу книги в товарный вид. Очищаю от пыли их корешки и страницы (иногда каждую по отдельности). Работа кропотливая и небезвредная для моего горла. Зато среди книжных страниц меня ожидают встречи с отзвуками и отблесками мира прежних владельцев. Я нахожу засушенные цветы, локоны, билеты, этикетки, чеки, квитанции, фотографии, открытки и всевозможные визитные карточки. Нахожу письма: неопубликованные произведения обычных людей, зачастую страдающих и далеко не всегда грамотных. Иные написаны корявым языком. Иные можно отнести к блестящим образцам эпистолярного жанра. Признания в любви и описание повседневных банальностей. Иногда это тайные послания, иногда – заурядные рассказы о съеденных фруктах, детских шалостях или теннисных матчах. Скорее всего, судьба не столкнет меня с авторами писем, подписывавшимися просто «Марджори» или «Джин». Филип, мой босс, давно уже пресытился такими находками и потому все, что ему попадается, отдает мне. «Не превращай свой дом в пыльный архив», – постоянно твердит он. Разумеется, справедливо. Но у меня рука не поднимается выбросить эти обрывки и осколки чужих жизней, которые когда-то так много значили (а может, еще и сейчас значат) для незнакомых мне людей.

Одиннадцать лет назад я зашла в книжный магазин «Старина и современность» как обычная покупательница, а уже на следующий день стала первой продавщицей. Филип был владельцем и управляющим в одном лице. Говорил он тихо, но за спокойной речью угадывалась страстная и порывистая натура. Он предложил мне работать у него. Близилось наступление нового тысячелетия. Время перемен. Время переоценки в буквальном смысле этого слова. Филип оценил мою любовь к книгам и умение общаться с покупателями. Сам он считал людей трудными.

– Вы не находите, что в массе своей они весьма мерзопакостны? – спросил он, и я отчасти с ним согласилась, а однажды он заявил: – Книги рассказывают немало историй, помимо тех, что напечатаны на их страницах.

Разве я этого не знала? Знала. Книги пахнут, поскрипывают корешками, говорят. Книга в ваших руках становится живым существом, которое дышит и что-то шепчет вам.

В мой первый рабочий день Филип мне сказал:

– Изучайте книги. Нюхайте их. Вслушивайтесь в них. Поверьте, вы будете вознаграждены.

Я прибираю на полках. Слежу за тем, чтобы книги на них не стояли слишком тесно. Каждый год провожу инвентаризацию. Я занимаюсь этим в мае, когда заканчивается цветение плодовых деревьев и солнце в задней комнате щедро льется через высокие окна. Здесь у нас обитают подержанные документальные произведения и романы в твердых переплетах. Весеннее солнце ласковой рукой гладит мне спину. Во дворе порхают ласточки, лакомятся мухами и радостно галдят. Еще в мои обязанности входит делать утренний кофе и послеполуденный чай. Я помогаю проводить собеседования с новыми работниками. К нам пришла и задержалась восемнадцатилетняя студентка Софи. Годичный отпуск, взятый ею в университете, растянулся на неопределенное время. Похоже, работать у нас ей нравится больше, чем учиться. Через какое-то время к нам устроилась Дженна. Поработав две недели, она стала любовницей Филипа. Дженну взяли без собеседований. Как и я, она пришла порыться в книгах. Как и у меня, у нее с Филипом завязался разговор, и он предложил Дженне работу.

Но никто не относится к книгам и печатному слову с большей страстью, чем мой босс Филип Олд. Он просто одержим книгами. Филип любит их за одно их существование, за их запах, за ощущения, возникающие, когда берешь книгу в руки. Его восхищает возраст книг и их происхождение. Магазин Филипа впечатляет высокими потолками. Полы выложены каменными плитками, звонко откликающимися на подошвы и каблуки покупателей. У нас шесть залов и склад на первом этаже. Везде просторно и светло. Мы продаем книги новые и старые, антикварные издания и книги для детей. Все многочисленные стены в этом сверкающем книжном храме отданы полкам. Они рядами тянутся снизу доверху. Магазин находится чуть в стороне от шумной Маркет-сквер и окружен красивым уютным садиком. Кусты лаванды и розмарина окаймляют каменную дорожку, что ведет к массивной дубовой двери на фасаде. Летом мы украшаем чугунную решетку разноцветными флажками, любезно изготовленными для нас одним

покупателем. А еще у нас есть небольшая вывеска, нарисованная вручную. Она гласит:

Добро пожаловать в книжный магазин

«Старина и современность»!

Сегодня он открыт с 9 до 17 часов

Будьте так любезны, загляните к нам

В плане бизнеса прибыли «Старина и современность» не приносит, да и не может приносить. У нас, конечно же, есть круг верных нам покупателей. К подобным заведениям всегда кто-нибудь тяготеет. Но круг этот невелик. Если книготорговля Филипа держится на плаву, а его квартира на третьем этаже полна изящных, со вкусом подобранных вещей, значит он наверняка черпает деньги из какого-то иного источника. Я об этом не спрашивала. Сам Филип никогда не говорит о деньгах, равно как и о своей личной жизни.

Что касается моей личной жизни, то я получаю свою долю внимания... если это можно так назвать. Во всяком случае, за мной готовы ухаживать. Один молодой человек несколько раз и под разным соусом предлагал мне записать номер его факса. Он младше меня и принадлежит к числу чокнутых и не от мира сего, которые появляются у нас по субботам, во второй половине дня. Такое ощущение, что он живет в прошлом и его эпоха запаздывает лет на десять. В магазин он приходит в черно-фиолетовом синтетическом спортивном костюме. Еще один потенциальный ухажер – краснолицый и не лишенный привлекательности – признался, что я самая симпатичная женщина из числа встретившихся ему за последние месяцы. Это явное вранье. Дженна куда привлекательнее меня. Сейчас она делает вид, будто протирает полки. Конечно же, она слышит его слова и тихонечко прыскает. Я выразительно смотрю на нее. Она награждает меня не менее выразительным взглядом. А год назад внимание ко мне проявил директор местной начальной школы (в нашем городе их три), тоже завсегда у магазина, имеющий привычку все свои книжные приобретения оплачивать за счет учебного заведения. Помню, я сложила купленные им книги в наш фирменный бумажный пакет. Директор школы потоптался на месте,

откашлялся и пригласил меня в ближайший четверг на обед. Естественно, если у меня нет других планов и если я свободна. У него была обаятельная улыбка и густые черные волосы. Подозреваю, что крашенные.

Этим утром мой отец принес в магазин старые книги, принадлежавшие моей бабуле[1 - Польское слово «babunia», аналогичное нашему «бабуля». – Здесь и далее прим. перев.]. Пару лет назад мы поместили ее в пансионат для престарелых, и все это время у нас как-то не доходили руки заняться разборкой ее вещей. Имущества у нее не так уж много. Слава богу, бабуня не страдала накопительством. Нынче мой отец не настолько проворен, чтобы быстро рассортировать вещи своей матери и решить, что к чему. Я уже просматривала ее книги и взяла себе несколько – те, которые помнила с детства. Согласившись перебраться в пансионат, бабуня настояла, чтобы я взяла себе любые ее вещи, какие мне понравятся. По ее словам, ей давно наскучило и чтение, и шитье. Мне было невыразимо грустно расставаться с бабуней, но что поделать? Отец больше не мог должным образом заботиться о ней. Я предложила урезать свои рабочие часы в книжном магазине, но эти двое и слышать об этом не хотели.

Я увидела отца, когда он шел по вымощенной камнем дорожке. Махнула ему, однако он не заметил. Тогда я побежала к массивной входной двери и сама распахнула ее.

Отец сказал, что принес десятка два книг, которые сложил в старый, потрепанный чемодан.

– Роберта, это ее чемодан, – сказал отец. – Если хочешь, оставь его себе.

Обязательно оставлю. Я люблю старые чемоданы и уже придумала, чем его можно загрузить.

– Как ты сегодня себя чувствуешь? – спросила я, вглядываясь в отцовское лицо.

Я успела привыкнуть к его постоянной бледности. К жуткой бледности с землистым оттенком. Но рассказывать о самочувствии – не в правилах отца. Он лишь пожал плечами. Достаточно красноречивый жест, означающий: «Ну... да ты и сама знаешь». Перед этим у него несколько недель был период ремиссии, но теперь болезнь снова двинулась в наступление. Перемена была внезапной и

потому пугающей для нас обоих.

Из кабинета вышел Филип, и они с отцом поздоровались за руку. До этого они уже встречались раза два, и каждый считал другого «джентльменом». Отец собирался просто отдать книги в магазин. Филип упрямылся и говорил, что бесплатно их не возьмет. Сошлись на компромиссной сумме в двадцать фунтов. Мы угостили отца чаем, накрыв стол в задней части сада. В этот день весеннее солнце светило тускло и не особо грело. Потом отец ушел. Когда-то его походка была размашистой и пружинистой. Теперь он по-старчески шаркал ногами. Я старалась этого не замечать.

После ухода отца я опустошила чемодан. На внутренней стороне крышки нашлась потрепанная бумажная этикетка с надписью «Миссис Д. Синклер». Неспешно раскладывая и очищая от пыли книги, я раздумывала, кто же это такая. По словам отца, чемодан принадлежал бабуне. Скорее всего, он перекочевал к ней от этой миссис Синклер. Моя бабушка всегда отличалась бережливостью, довольствовалась тем, что у нее есть, и не торопилась выбрасывать вещи, которые еще можно починить. Как говорил отец, бережливости ее научили военные и послевоенные годы. «Так все тогда жили», – добавил он. Это была не модная тенденция тех времен, а суровая необходимость.

Я протерла переплет книги «Развитие ребенка. От долины разрушений к непреходящей славе» (ни разу не видела ее в бабушкином доме) и взялась за страницы. И вдруг оттуда выпали два аккуратно сложенных листка бумаги. Письмо! Конверта не было, о чем я искренне пожалела. Письмо, адресованное моей бабушке Доротее, было написано выцветшими синими чернилами, мелким аккуратным почерком. Голубая бумага тоже выцвела, став сухой и ломкой, как крылышки засушенного насекомого. Края листков пожелтели, а на местах сгиба образовались дырочки. Да, но имею ли я право читать это письмо? Любопытство перевесило этические соображения. Мне было не удержаться.

Я несколько раз прочла письмо, однако его смысл не стал понятнее. Меня сразу потянуло сесть. Я опустилась на скрипучий табурет. У меня дрожала рука. Я читала медленно, пытаюсь вникать в каждое слово.

Доротей Петриковски – моя бабушка. Ян Петриковски был моим дедом. Я его никогда не видела. Мой отец – тоже. Все это – неопровержимые факты.

Но это письмо... лишено смысла.

Во-первых, мои дедушка и бабушка были женаты. Вот только их счастливая совместная жизнь продлилась недолго. А здесь... дед заявляет, что не может жениться на бабушке. Во-вторых, письмо датировано февралем сорок первого года. Но мой дед, командир польской эскадрильи Ян Петриковски, погиб в ноябре сорокового, защищая Лондон от массированных налетов немецкой авиации.

2

Сам воздух в прачечной Дороти Синклер был вязким от пара. Она обливалась потом, едва успевая обтирать лоб тыльной стороной ладони. Ее платок давно развязался и сполз, однако Дороти не желала даже на минуту оторваться от стирки и заново его повязать. Волосы липли к ее лицу, будто щупальца неведомого чудовища, следившего за ней. Сегодня для нее было особенно важно плотно загрузить себя работой.

Медный бак в дальнем темном углу прачечной шипел и булькал, как адский котел. В баке кипятилась одежда Эгги и Нины. Их форма пачкалась почти ежедневно. Бедняжки не виноваты: они вовсе не неряхи, это постоянное недоедание сделало их неловкими. Но Дороти была вполне способна еженедельно снабжать своих девочек стопкой выстиранного, накрахмаленного и выглаженного белья. При всех тяготах этого занятия она по-своему любила стирать. Платья, чулки, нижние юбки, кардиганы, девчоночьи брюки, рубашки и панталоны. Все остальное белье в своем доме и домах односельчан. Это было нечто большее, нежели традиционная женская работа. Стирка стала ее образом жизни. Все этапы: замачивание, погружение в бак, помешивание, возня со стиральной доской – имели свой ритм и придавали смысл ее жизни. Даже отжимание белья, чем она сейчас занималась. Вращая рукоятку отжималки, она, что называется, выкручивала душу из одежды, простыней и скатертей. Но высшим наслаждением Дороти и ее любимым временем дня был тот час, когда она развешивала белье на веревках, закрепляя его прищепками. Простыни, наволочки, сорочки развевались на ветру, как паруса, и хлопали, будто крылья ангела-победителя.

Сегодня она должна с головой погрузиться в работу. Сегодня... погрузиться... в работу.

Ей нельзя думать. Ни о чем. С того дня она мастерски научилась отгонять мысли. Нередко она думала образами. Язык – он коварный. В нем много подтекста и двусмысленностей. Дороти больше не доверяла словам. И все же совсем повернуться к ним спиной она не могла. Ей нравилось писать, и она попробовала себя в письме. Писала, когда оставалась одна. Украдкой, вынув записную книжку. Рисовать она не умела; оставалось писать. Дороти надеялась превратить свои бессвязные слова в стихи, но строки получались такими же бессвязными, бессмысленными. Ей было тяжело писать о чем-то красивом.

Дороти подняла голову от бака. Она вслушивалась в окружающие звуки и всматривалась в открытую дверь. Пар клубился, не желая выходить наружу. Творилось что-то странное. После потери... после Сидни... в ней развилось шестое чувство, почти родственное обонянию. И сейчас Дороти «принюхивалась». Брюки Нины свисали по обе стороны отжималки, но Дороти было не до брюк. Вытерев руки о передник, она подошла к двери, подняла голову и выглянула наружу. Солнце светило ей прямо в глаза, мешая смотреть. Простыни, наволочки и скатерти, развешанные по веревкам, тоже слепили ее своей белизной. Дороти прищурилась. Синее небо выглядело таким безмятежным. По нему, словно детишки, торопящиеся домой к чаю, бежали легкие облачка.

Потом она услышала монотонный звук. Низкое гудение, перемежаемое шипением и рычанием, как будто кто-то дразнил собаку. Источник звука Дороти увидела почти сразу же: в небе петлял «харрикейн». Но почему он так быстро снижается? Дороти не помнила, чтобы истребители садились с такой скоростью. У нее застучало сердце, кровь, прилившая к голове, вдруг стала густой. Невидимая рука сжала горло. Никак летчик решил порезвиться в воздухе? Дороти вгляделась. Нет, игрой тут и не пахло. Летчик попал в беду, и не он один.

– Нет! Пожалуйста! – выкрикнула Дороти и побежала по дорожке, усыпанной битым кирпичом.

Куры бросились врассыпную, рассерженные ее вторжением. Эти глупые птицы даже не подозревали, какая опасность над ними нависла. Дороти подбежала к задней калитке, открыла и выбралась наружу. Там лежало поле Лонг-Акр – ей

нравилось воображать, будто оно бескрайнее, как Аравийская пустыня. Она давно боялась, что когда-нибудь это может случиться. Дороти видела летчиков – совсем молодых, бесшабашных парней, обожавших вертеть в небе петли и красоваться по-всякому. Она с ужасом думала, что когда-нибудь такой самолет упадет на ее дом. Это лишь вопрос времени. И вот, похоже, такое время настало. Но почему летчик не выпрыгнул с парашютом? Подбитый «харрикейн» летел прямо на нее, отчаянно кренясь, будто сломанный маятник. Дороти в ужасе оглянулась на свой дом, потом снова повернулась к падающему «харрикейну» и с облегчением вздохнула. Самолет уходил по дуге от нее и ее жилища, направляясь в простор поля. Как зачарованная, Дороти пошла по невысоким колоскам ячменя. Они цеплялись за ее босые ноги и приятно царапали кожу. Ей всегда нравилось это ощущение. Идти оно не мешало.

Самолет приближался к своей неминуемой, неуправляемой посадке, к колоскам ячменя и к Дороти. Он летел прямо над ее головой. На миг огромная металлическая птица заслонила солнце.

– Дороти!

Это кричала Эгги. Издалека. Показались две светло-коричневые рубашки. Девчонки неслись к ней. Эгги продолжала истошно кричать, но Дороти не реагировала.

Как хорошо! Как здорово! Ровно через год после Сидни. Ее бедного маленького Сидни. Ей нужно было бы еще тогда последовать за ним, и она бы смогла. Странно, что эта мысль раньше не приходила ей в голову. Исполненная решимости, Дороти брела по ячменному полю. Прямо к «харрикейну», сдавшемуся на милость земле. Раздался грохот. Устремился вверх столб удушливого черного дыма. Оглушительный удар. Потом – целый шквал звуков. Самолет, врезавшийся в землю, распадался на части.

– Дороти, ты меня слышишь? Миссис Лейн ждет свой чай. Отнеси ей чашку. И еще одну, для миссис Хаббард. И еще. Передай блюдо с гонуэзским кексом... Дороти, не горбись. Стой прямо. Господи, ну когда ты научишься простым вещам?

До чего же оно противное – это ее новое белое платье. Густо накрахмаленное, оно стояло колом и натирало шею. Дороти послушно принесла блюдо с гемуэзским кексом. Рут Хонор – ее мать – смотрела на дочь со смешанным чувством гордости и недовольства. Миссис Лейн и миссис Хаббард ласково ей улыбались, однако Дороти старалась не смотреть им в глаза, зная, что увидит там жалость. А ей не нужна жалость, ни сейчас, ни вообще. И почему они ее жалеют? Должно быть, это как-то связано с мамой. И уж наверняка это связано со смертью отца. Период траура закончился, и мать с дочерью больше не ходили в черном. Но теперь маме придется жить одной.

Дороти стояла как статуя, наблюдая за матерью и ее подругами. Женщины болтали, лакомились кексом, прихлебывали чай. День выдался жарким. Дороти было очень тяжело в этом дурацком платье. Хотелось уйти в дальний угол сада, где росла скрюченная яблоня. Там можно было босиком разгуливать по траве, петь себе песенки, сочинять в уме стихи и думать о прошлом, настоящем и будущем. В мире ее фантазий у Дороти было три брата и три сестры. Их звали Элис, Сара, Питер, Джилберт, Генри и Виктория. Она знала, что братья и сестры давно ждут ее. Кто-то сидит в прохладной траве, кто-то – на дереве. Они лениво переговариваются и подкалывают друг друга.

Кекс стремительно исчезал в болтливых женских ртах, и от этого зрелища Дороти зашатало. Сдавило горло, а сердце забилось часто-часто. Она падала, падала медленно... И с шумом приземлилась прямо на поднос, раздавив розовые чашки с блюдцами. Чай, который она несла, достался ее новому жесткому платью и ковру.

– Дороти! Боже, какая же ты неуклюжая!

Что-то горячее и острое ударило ее в живот. Потом что-то горячее, мягкое и влажное ударило по лицу. Все вокруг завлакивало удушливый черный дым, за стеной которого продолжало грохотать.

– Дороти! Вернись!

Судя по голосу, Эгги была уже близко.

Дороти увидела своих девчонок по другую сторону пылающих обломков. Эгги и Нина показались ей яркими лучиками маяков в пелене коварного тумана.

– Я хочу к нему, – сказала Дороти, но ее никто не слышал.

Она потерла шею. Новое белое платье было слишком жестким и грубым.

На Дороти смотрела мать.

Дороти пошатнулась. Она медленно падала. Ее белое платье было забрызгано кровью. Голова кружилась в вихре стыда. Ячменные колоски смягчили падение.

Впоследствии всегда говорили, что Дороти Синклер проявила себя героиней. Жарким днем в конце мая 1940 года она попыталась спасти молодого летчика, чей «харрикейн» потерял управление и упал на поле Лонг-Акр. И не важно, что ей этого не удалось. При ударе о землю самолет взорвался, и куски тела летчика разбросало по полю. Дороти действовала храбро и самоотверженно, начисто забыв о собственной безопасности. Она достойна служить примером для других. В эти мрачные и страшные времена Британия остро нуждалась в таких женщинах, как Дороти.

Правду знала только сама Дороти.

Она не оспаривала официальную версию. Пусть люди верят, что так оно и было. Вреда это никому не принесет.

Ближе к вечеру к ней зашла миссис Комптон. Доктор Сомс уже успел обработать и перевязать раны Дороти: болезненные, но неглубокие. Царапина от осколка на животе, несколько ожогов на лице. К счастью, она потеряла сознание и упала в ячмень: это уберегло ее от более серьезных повреждений. Врач тоже назвал ее храброй женщиной.

Миссис Комптон обладала отвратительной способностью вгонять Дороти в краску. Может, она что-то знала? Дороти не исключала такой возможности. Миссис Комптон считали ведьмой. Скорее всего, не напрасно.

Дороти вяло улыбнулась пожилой женщине и вдруг заметила белый волосок, торчащий из родинки на левой щеке миссис Комптон. Может, показалось и на щеке миссис Комптон нет никакой родинки? После случившегося окружающий мир все еще оставался размытым. Реальность – тоже.

– Ну и вид у тебя! – сказала миссис Комптон.

– Я подумала...

– Знаю, любовь моя. Знаю. Какой стыд.

– Сегодня весь день очищали поле.

Кивком головы Дороти указала на Лонг-Акр, где по-прежнему невозмутимо покачивались ячменные колосья.

– Думаю, очистка уже закончена. Ты об этом не волнуйся. Ты сделала, что смогла. И даже больше, чем от тебя требовалось.

– Ничего особенного я не сделала.

Обе замолчали, прихлебывая чай. На полочке над плитой тикали часы. Из открытого окна доносились приглушенные мужские голоса. Там собирали обломки металла и куски тела, раскиданные по Лонг-Акру. Помнила ли миссис Комптон ту роль, которую сыграла в драме годичной давности? Знала ли об одной из печальнейших годовщин? Дороти подозревала, что нет. Лишний повод, чтобы не доверять этой женщине. Лишний повод представить ведьму склонившейся над окровавленной плахой, с перекошенным от ужаса лицом, умоляющей о пощаде. А Дороти уже занесла тяжелый топор и велит своей жертве...

– Погибший был поляк, – сказала миссис Комптон.

– Я слышала об их появлении. Кажется, их отряд направили к нам недели две назад.

– Да. Говорят, поляки ненавидят нацистов сильнее, чем мы.

С легким причмокиванием миссис Комптон допила чай, аккуратно отодвинула от себя чашку и блюдце, после чего сложила руки на коленях и уставилась на Дороти. Дороти отвернулась к окну. Заросли боярышника мешали видеть работающих мужчин целиком. Ей были видны лишь их движущиеся головы. Дороти подумала о погибшем польском летчике, чьи обгоревшие останки раскидало по полю. Какой-то кусочек его тела обжег ей лицо. Дороти коснулась щеки, ощутив под пальцами ткань бинта. Должно быть, вид у нее сейчас действительно ужасный.

– Как вообще поживаешь? – Миссис Комптон наклонилась вперед.

– Хорошо, – коротко ответила Дороти.

Она встала возле кухонного окна. Неподалеку курица сосредоточенно выкапывала из земли червяка. Дороти отрешенно наблюдала за напрасными попытками червяка спастись.

– Что ж, приятно слышать.

Интонация, с какой это было произнесено, намекала на истинные мысли миссис Комптон. Незванная гостья взглянула на часы и сказала, что ей пора. В соседней деревне молодая женщина рождает своего первенца. Схватки начались в половине пятого утра. Возможно, роженице понадобится помощь миссис Комптон.

Дороти молча смотрела на нее.

Миссис Комптон подошла к двери, подняла засов, затем повернулась. Дороти стояла спиной к окну.

– Дороти, прости меня. Я должна была вспомнить. Сама знаешь, для подобных вещей требуется время. Ведь в прошлом году у тебя... где-то в это время. Я не путаю? Если тебе вдруг захочется об этом поговорить, буду рада тебя выслушать. Не надо таскать это в себе. Конечно, жизнь продолжается, и мы должны жить дальше. Но иногда события прошлого не дают нам покоя. Вот так-то, Дороти.

Миссис Комптон ушла, закрыв дверь. Дороти смотрела ей вслед.

И эта женщина еще смеет предлагать себя в слушательницы?

Дороти схватила чашку, из которой пила миссис Комптон, и со всей силы швырнула в закрытую дверь. Только потом, услышав звон осколков, она очнулась и удивилась самой себе. Взяв веник и совок, она нагнулась. Рана на животе сразу напомнила о себе. Превозмогая боль, Дороти собрала осколки.

Элис, Сара, Питер, Джилберт, Генри и Виктория жили, двигались и дышали лишь в воображении одинокой Дороти. Больше всего ее тревожила неопределенность места, какое она, Дороти, занимала в этой стайке девочек со струящимися волосами и сильных, крепких мальчишек, развлекающихся стрельбой из рогаток и игрой в баскетбол. У всех шестерых были голубые глаза и длинные ресницы. Сообразно фантазиям Дороти, судьба наградила их всех невероятно счастливым детством. Может, она была их старшей сестрой? Строгой, серьезной, любящей показать свою власть? Или по возрасту находилась где-то посередине: заурядная, забытая и вечно оставляемая без внимания? Возможно, она была совсем маленькой. Странной малюткой с всклокоченными каштановыми волосами и зелеными глазами. Ангелочком на толстенных ножках. Нет, самой младшей она быть никак не могла. Место ангелочка занимала Виктория. Розовые щечки, светлые кудряшки и большие голубые глаза. Тогда, может, Дороти по возрасту шла сразу за Викторией? Ей разрешалось играть с куклами Виктории и маленькой черной коляской. Такое положение подходило ей как нельзя лучше. У нее были две старшие сестры, которые обнимали ее, когда она падала, ставили на ноги, отряхивали платье. О возрасте братьев Дороти как-то не задумывалась. Знала только, что все они высокого роста и шумные. Дороти они не замечали.

Первый мужчина, обративший на нее внимание (к тому времени она давным-давно рассталась с придуманными братьями и сестрами), стал ее мужем. Период ухаживания продлился недолго. Мать Дороти, резко возражавшая против ее брака, заявила:

– Если ты выйдешь за этого... человека... я больше знать тебя не пожелаю.

Дороти познакомилась с ним в 1934 году на похоронах своей тетки Джейн – весьма оригинальной восьмидесятидвухлетней старухи, умершей летом того

года. Дороти редко виделась с тетей Джейн, и то лишь в детстве. О теткиной жизни она знала совсем немного. Джейн была старшей сестрой ее матери и отличалась изрядным своеволием. Унизив себя неравным браком, Джейн переехала жить из Оксфорда далеко на север, в графство Линкольншир. При известии о смерти сестры мать Дороти поджала губы и нахмурилась.

- Нам придется поехать в это жуткое графство. Пожалуйста, не забудь положить мою меховую накидку. Мне только еще не хватает простудиться на линкольнширском кладбище и помереть самой. Такую жертву я не собираюсь приносить ни своей покойной сестре, ни кому-либо вообще.

- Мама, но сейчас август. Еще совсем тепло. Даже в Линкольншире.

Естественно, Дороти все-таки положила в чемодан материнскую меховую накидку, а также множество других вещей. Они ехали поездом. Большую часть пути Дороти смотрела в окно, стараясь игнорировать бесконечные вопросы и требования матери. А за окнами вагона во всем своем великолепии сиял август. Мимо проплывали золотистые поля, на которых работали люди. Дороти с интересом смотрела на тракторы, повозки, лошадей и уборку урожая. Эта жизнь притягивала ее. Как здорово жить на свежем воздухе, работать на земле, на золотистых полях, под золотистым солнцем, от которого и твоя кожа становится золотистой!

В тот же день Дороти познакомилась с Альбертом Синклером – обаятельным молодым человеком, словно сошедшим со страниц книжки о фермерах. Он рассказывал ей о своей жизни на ферме. Дороти внимательно слушала. Потом спросила, что привело его на похороны.

- Моя сестра была приходящей уборщицей у мисс Джейн. Я помогал ей. Чистил сточные канавы, сгребал листья. А какой замечательной женщиной была мисс Джейн. Настоящая леди. Говорят, родня ее не жаловала. Почему? Спросите чего полегче. Вряд ли можно было найти более доброго и отзывчивого человека, чем мисс Джейн.

- Родня – это мы с матерью, – осторожно заметила Дороти.

- Ой, простите. Я не хотел...

– Не надо извиняться. Моя мать давно порвала с Джейн. Ей вообще свойственно отрекаться от близких.

Они вернулись в Оксфорд, а через пару недель Рут отреклась от единственной дочери, узнав, что та собралась замуж за Берта Синклера. Дороти была только рада. А если ей суждено повторить судьбу тети Джейн, то есть оказаться вычеркнутой из материнской памяти, это радовало ее еще больше. На сей раз поезд увозил из Оксфорда одну только Дороти. Все ее приданое состояло из матерчатой сумки с личными вещами. В ушах звенели слова прощального материнского предсказания:

– Ты еще пожалеешь об этом! Твой брак закончится ничем! Этот человек тебя недостоин!

Вот так Дороти вырвалась из своего непомерно затянувшегося, невеселого детства.

Дороти оставалась девственницей вплоть до первой брачной ночи, то есть до 12 ноября 1934 года. Ей как раз исполнилось тридцать четыре. Во многом Альберт по-прежнему оставался для нее чужим. Он старался быть мягким и нежным, но ему отчаянно хотелось близости с женой. В нем разыгралась страсть, и, при всем старании, процесс лишения девственности не обошелся без боли. Дороти пыталась не подавать виду, однако Альберт был не настолько глуп, чтобы не понять. Он извинился. Дороти приняла его извинения, убедив себя, что со временем все наладится. Он был рослым мужчиной, сильным, мускулистым, с грубой, шершавой кожей. Дороти любила ощущение его рук, обнимающих ее, ощущение его тепла и силы. Через четыре месяца она забеременела, однако беременность окончилась ранним выкидышем.

Потом вторая беременность... третья... и все с тем же результатом.

После почти четырех лет супружеской жизни и пяти выкидышей Дороти перестала мечтать о ребенке. Мечты сменились кошмарными, невыносимыми снами и состоянием печальной покорности судьбе. Она стала настоящей женой сельскохозяйственного рабочего. Научилась печь, стирать, шить, копаться в огороде и возиться с небольшим выводком кур. Вестей от матери не было. Сама Дороти написала ей несколько писем, заметно приукрашивая свою жизнь. В них она рассказывала о муже, о новой жизни и неудачных беременностях. Ответных

писем она так и не дождалась и прекратила отношения с матерью. Можно было подумать, что это ее мать, а не тетя Джейн покоится в земле Лоддерстонского кладбища.

В августе 1938 года Дороти забеременела в шестой раз. С этого момента она начала писать «настоящие» стихи. Сперва у нее ничего не получалось. Она не знала, как перевести ощущения в слова и не потерять смысла. Но не бросала своих занятий. Она писала днем, оставшись одна, за обедом и чаем. Записную книжку прятала то в кухонном шкафу, за кастрюлями и сковородками, то в ящике стола, то под кроватью. Дороти выбирала места, где книжка не попадет Альберту на глаза.

Ее прежние беременности обрывались, не продлившись и двух месяцев. Эта перешла опасный рубеж. Дороти постоянно тошнило, везде и всюду, от любой пищи и в любое время дня. Каждое прикосновение к груди отзывалось болью. Дороти стала слезливой и могла расплакаться без всякого повода. На пятом месяце ее посетила миссис Комптон – местная повитуха и обрядательница покойников. Войдя, она как-то странно посмотрела на выпирающий живот Дороти:

– Как думаешь, мальчик родится?

– Понятия не имею.

С первых минут Дороти стало неуютно от присутствия этой женщины.

– А как ты себя чувствуешь?

– Благодарю вас, теперь лучше. Больше не тошнит.

Миссис Комптон многозначительно кивала. Должно быть, сама она считала этот жест выражением мудрости. Дороти старалась не смотреть на гостью. Миссис Комптон вызвала у нее ненависть. Ей было не выдержать взгляда повитухи. Казалось, даже это проявление заботы таило в себе насмешку. Повитухе было около шестидесяти, если не все шестьдесят. Она родила шестерых детей, вырастила пятерых. Правда, старший сын погиб в Первую мировую войну. Три ее

толстые и плодовитые дочери, а также младший сын жили в той же деревне, найдя себе супругов среди местных уроженцев. Все четверо регулярно увеличивали количество внуков миссис Комптон.

По правде говоря, Дороти тоже предполагала, что у нее родится мальчик. Она даже имя ему выбрала – Сидни. Миссис Комптон о своих предположениях она не упомянула ни словом. Альберт сказал, что она вольна выбирать для ребенка любое имя, какое ей понравится. Главное, чтобы не слишком мудреное. Он не особо вникал в подобные дела. Альберт по-прежнему много работал, а с какого-то времени пристрастился к выпивке и растерял былое обаяние. Сидни? Пусть будет Сидни. Альберта радовало, что жена наконец-то родит ему ребенка. На ферме, в деревне и в пабе мужчины отпускали колкие шуточки по поводу его бездетного брака. Может, он не знает, как правильно делать детей и куда надо совать свою штучку? Эти насмешки больно задевали Альберта, и всю скопившуюся досаду он вымещал на жене. К его чести, руку на Дороти он не поднимал. Но из его взгляда исчезла теплота, взамен появилась укоризна. Его лицо все чаще бывало хмурым. Он почти не слушал то, о чем рассказывала ему Дороти, или ограничивался односложными ответами и пожатием плеч. С этой беременностью его отношение изменилось. Он гордился круглым крепким животом жены. Ему нравилась ее широкая улыбка. Дороти стала для него красивой. Стала такой, какой, по его представлениям, и должна быть жена.

В самом начале шестого месяца беременности она поехала на автобусе в Линкольн, чтобы купить необходимые вещи для малыша. Она чувствовала себя блудной дочерью, возвращающейся домой. Для хранения детского приданого, которое она собиралась сшить и связать за оставшееся время, Дороти купила чемодан. Чемодан привлек ее своей компактностью: восемнадцать дюймов в длину, тринадцать в ширину и восемь в глубину. Он был ржаво-коричневого цвета, с темно-коричневой бакелитовой ручкой, двумя небольшими замками и ключиком, похожим на игрушечный. Изнутри чемодан был оклеен бумагой с неброским клетчатым рисунком. На дне лежала небольшая белая этикетка, где можно было написать свое имя. Крупным округлым почерком Дороти вывела:

Миссис?Д.?Синклер.

Затем Дороти облизала оборотную сторону этикетки и приклеила на внутреннюю поверхность крышки.

В городе она купила тканей, шерсти, а также пополнила свой запас иголок и ниток. Теперь можно было приниматься за работу. Все разговоры о надвигающейся войне, которой не избежать, воспринимались ею как что-то нереальное и неоформившееся. Они напоминали лист ватмана: акварелист увлажнил его водой, но пока еще не сделал ни одного мазка. Дороти плохо представляла себе войну. Еще не известно, начнется ли эта война, а если начнется, боевые действия будут разворачиваться далеко от ее деревни. Главное, Дороти была беременна, ее перестало тошнить и к ней вернулась прежняя энергия. Ребенку понадобятся пеленки, распашонки, башмачки, одеяльца, а затем и множество другой одежды. И конечно же, ребенку понадобится радостно улыбающаяся мать, умелая, изобретательная и предусмотрительная.

Чемодан прекрасно вписался в пространство под кроватью, и Дороти безотлагательно принялась заполнять его детским приданым. Несколько недель подряд она работала почти без отдыха. Из тонкого батиста она сшила две распашонки. К ним добавились три теплые вязаные распашонки; каждая – со своей шапочкой и пинетками. Из мягкой ягнячьей шерсти Дороти связала одеяльце, после которого принялась шить белую крестильную рубашечку. Плоды своего труда она не показывала никому, даже Альберту. Естественно, она не смогла скрыть от него сам процесс. Он слышал постукивание спиц, видел нахмуренный лоб жены. Иногда у нее что-то не получалось, и она тяжело вздыхала. Но куда чаще работа шла как по маслу, и Дороти торжествующе улыбалась. Она трудилась не только днем. Вечером работа продолжалась при свете керосиновой лампы. Дороти молчала, а Альберт читал газету и потом заводил с женой разговоры о скорой войне. Но Дороти почти не слушала его, поглощенная надвигающимися родами. Наконец-то она станет матерью. Каждый стежок приближал ее к этому моменту, к новому и загадочному состоянию бытия. Каждый стежок подтверждал реальность ребенка, что лежал в ее чреве. Каждый стежок приближал ее к тому дню, когда она станет полноценной, состоявшейся женщиной и навсегда оставит позади долгую полосу девичества. В движение иглы и спиц Дороти вкладывала все свои надежды и чаяния. Радость жизни и энергия переполняли будущую мать.

Закончив очередную вещь, Дороти стирала ее, если требовалось – крахмалила, а потом гладила. Все детское приданое с особой осторожностью складывалось в чемодан, словно каждая распашонка или курточка были живым малышом. Дороти перепрятала свою записную книжку – из кухонного шкафа на дно чемодана. Теперь это было ее новое потайное место. Ее мир: тайный,

принадлежащий только ей и защищенный от вторжения. В чемодан она положила мешочки с засушенными цветками лаванды, предусмотрительно запасенными летом. Делалось это не только ради отпугивания моли. Дороти любила удивительный кисло-сладкий запах лаванды, считая его самым надежным запахом в мире. Когда приблизилось время родов, чемодан был полон. Впервые за все годы совместной жизни Альберт порадовал ее своей щедростью. Втайне накопив денег, он купил массивную черную коляску. После долгих часов работы на ферме он шел не в паб, а в сарай, где мастерил колыбель. Дороти он говорил, что в ее нынешнем положении нельзя перегружать ноги, и по вечерам сам готовил и приносил ей чай.

А чемодан стоял под кроватью, дожидаясь, когда начнется опустошение его сокровищ, когда крышка откинется и руки, дрожащие от радости, потянутся за детскими вещами. Стоило протянуть руку, и Дороти могла дотронуться до стенок чемодана. Он, как и ее мечта, был настоящим. Ее мечта сделалась такой же большой и крепкой, как ее живот. Если в мозгу Дороти и возникали тревожные мысли, впоследствии она их начисто забыла. Она помнила лишь радостное ожидание и огромное, нетерпеливое желание, чтобы таинство материнства наконец-то началось.

Оно должно было начаться вот-вот.

3

(Этот написанный от руки счет из давно закрытого магазина подержанных детских товаров «Все для малютки» я нашла внутри романа Луизы М. Олкотт «Маленькие женщины». Книгу выпустило издательство «Дин». Суперобложка в прекрасном состоянии. В тексте, помещенном на ней, Джо Марч названа красавицей. Кому-то будет приятно обнаружить этот роман в отделе детских книг и, возможно, купить за скромную сумму два с половиной фунта.)

Квартира Филипа находится прямо над магазином «Старина и современность». За все одиннадцать лет работы это мое третье вторжение в его жилище. Первый раз он попросил меня помочь с устройством небольшой вечеринки по поводу открытия большого зала современных изданий. Все угощение он купил в ближайшем супермаркете «Уэйтроуз»: канапе, соусы, сыр, печенье, виноград и вино. Ему требовалась помощь, чтобы перенести всю эту снедь вниз и разложить на большом круглом дубовом столе в фойе. В тот день мы настежь открыли окна витрин и пригласили покупателей устраиваться в саду. Идея принадлежала мне, и хотя Филип поначалу сомневался, он решил попробовать. С тех пор такие фуршеты стали традицией и очень нравятся нашим покупателям.

Второй раз я побывала у него прошлой зимой, когда Филип подцепил грипп и я зашла его проведать. Жизни моего босса ничего не угрожало, но чувствовал он себя, выражаясь его же словами, дерьмово. Кашляющий, с пышущим жаром лицом, он лежал на вишнево-красном кожаном диване, накрывшись одеялом, глотал подогретое виски и смотрел «Судью Джуди». Он заявил, что слишком болен, чтобы скучать на дневных телепрограммах. У него не было сил дотянуться до пульта и пощелкать по каналам. Самое скверное, он не мог читать, поскольку его глаза «плавилась в глазницах». Однако судебный сериал ему вполне нравился. Свой интерес он назвал «грешным удовольствием» и попросил меня никому не рассказывать. А потом Филип произнес весьма странные слова:

– А знаешь, Роберта, я взял тебя на работу лишь потому, что ты искренне согласилась с моими словами. Я сказал, что люди в массе своей весьма мерзопакостны. Помнишь?

Я тогда не до конца согласилась с его утверждением, но эти слова я помнила. Я еще подумала: «Вот человек, с которым я могла бы работать». Но услышать это от гриппующего Филипа, распластанного на диване, вцепившегося в стакан с подогретым виски? Удивительно, что он, как и я, хорошо помнил наше «собеседование».

Дженна. Она... непредсказуема. Мы с Софи наблюдаем за любовниками со смешанным чувством удивления и любопытства. Филип? Дженна? Филип и Дженна? У покупателей это вызвало такое же недоумение. Кто-то шепотом высказал мнение, что такой союз быстро развалится. Она не его тип. Он мужчина не ее круга, да и она женщина не его круга. Так говорили некоторые.

Поймите: Филип не просто очкарик, книжный червь мужского пола. Он весьма неопрятен, обожает джинсы, из которых вполне может торчать хвост плохо заправленной рубашки. У него длинные волосы, болтающиеся сосульками вокруг шеи. Но если приглядеться к нему повнимательнее, понимаешь, сколько в нем обаяния. Что касается Дженны, она очень хорошенькая. Этого я не стану отрицать. Они тянутся друг к другу. Их роман начался полгода назад, но они по-прежнему вместе. Вопреки всем прогнозам, Дженна обосновалась в изысканной квартире Филипа.

Дженна – эффектная голубоглазая блондинка. У нее вьющиеся волосы. Она тип женщины, на которую мужчины в возрасте от двенадцати до ста двенадцати лет, имеющие традиционную ориентацию, непременно будут заглядываться в любое время и в любом месте. И вдруг она скрывается от мира за стенами книжного магазина «Старина и современность» и становится подружкой его сардонического владельца, который чуть ли не вдвое ее старше. Мы с Софи подозреваем, что их недолгие свидания происходят прямо в магазине. Как-никак они же работают вместе. Нередко я застаю их в дальнем зале, где у нас полки с подержанными романами. При моем появлении они тут же распочковываются, вынуждая меня краснеть и бормотать извинения. Во взгляде Дженны я замечаю удивление и упрек. Я ретируюсь, не осмеливаясь посмотреть на Филипа. Не знаю, кто из нас троих должен испытывать большее замешательство.

Во всяком случае, Дженна теперь больше читает. Мне трудно представить, чтобы она много читала до своего устройства в наш магазин. Она не «книжный» человек, что бы под этим ни подразумевалось. Дженна занимается распаковкой наших ежедневных новых поступлений. Покусывая нижнюю губу, она сверяется со списком, убеждаясь, что нам привезли все перечисленные там книги. Затем аккуратно расставляет часть привезенного по полкам, а предварительные заказы складывает под прилавок. Лицо у нее сосредоточенное, как у шестилетней девочки, разучивающей новый трюк со скакалкой. Довольно часто Дженна обращается к нам за помощью, и мы с Софи терпеливо ей помогаем. Нам всем нужно учиться и набираться опыта. Что ни говорите, а команда у нас хорошая. Я знаю: Филип гордится нами.

Сегодня квартира Филипа сумрачна и тиха. В таком же состоянии пребывает и Дженна, которая открывает мне дверь и пропускает внутрь. Она не берет меня за руку, но я чувствую, как она загоняет меня прямо в гостиную. Знакомый кожаный диван вишневого цвета. Дженна включает большой торшер фирмы «Тиффани» и спрашивает, хочу ли я чего-нибудь выпить. Я отказываюсь. Себе

она наливает джин с тоником. Сегодня она не работает. Ей нездоровится. Замечаю, что ее манеры одинаковы и в залах магазина, и здесь, когда она трогает вещи Филипа, наливая его джин. В этом тихом пространстве Дженна напоминает порхающую птичку крапивника. Мне почему-то становится ее жаль. Почему – не знаю.

Что-то здесь не так.

Чувствую себя взломщицей, проникшей во владения Филипа. Он уехал на книжную ярмарку и пробудет там целый день. Дженну он предупредил, чтобы не ждала его раньше половины девятого. Сейчас два часа дня, но шторы все еще плотно задернуты. На кофейном столике – пустая кофейная чашка и тарелка, усеянная крошками. Ощущается атмосфера какой-то расхлябанности. Обычно Филип терпеть не может беспорядка.

– Пьем до дна, – говорит Дженна и быстро опустошает стакан. Я улыбаюсь, не зная, что? говорить и зачем вообще она меня позвала. – Роберта, я вляпалась в историю, – объявляет она.

– В какую?

– В ту самую, в какую вляпываются женщины испокон веку. Понятно?

Она вдруг начинает плакать, закрывая лицо рукой и пустым стаканом. Я подхожу к ней, глажу по руке, пытаюсь как-то успокоить.

Потом слезы иссякают. Дженна тянется к массивному кофейному столику с крышкой из дымчатого стекла и достает снизу пачку бумажных платков.

– И что ты думаешь обо мне теперь? – спрашивает Дженна.

Она наливает себе вторую порцию, которую пьет медленно, маленькими глотками. Ее белые руки слегка дрожат.

– Дженна, не мне тебя судить, – говорю я. – Слушай, ты же большая девочка, да и Филип – взрослый мужчина. Такое происходит сплошь и рядом. Может... несколько неожиданно... но ты с этим справишься. Как Филип к этому отнесся?

Ее взгляд полон ужаса. Ойкнув, я опускаю глаза, потом смотрю на зашторенное окно, на большое зеркало в позолоченной раме над камином.

– Я обнаружила это неделю назад. Почувствовала странную усталость. С месячными была задержка. Тогда я сделала тест на беременность. Роберта, я чуть с ума не сошла от ужаса. Пойми, я не хочу детей. Я их никогда не хотела и никогда не захочу. Я всегда так осторожничала. И вдруг... это катастрофа.

– Думаю, тебе нужно было бы советоваться не со мной, а с Филипом, – говорю я и мысленно отчитываю себя за свою прямолинейность.

– За каким чертом мне с ним советоваться?

– Потому что... ко мне это не имеет никакого отношения. Это ребенок Филипа.

– Нет, я так не думаю... В общем, я сомневаюсь.

Мне стыдно, но, услышав об этом, я мысленно вздыхаю с облегчением. С громадным облегчением. Это не его ребенок. Возможно, не его. Ну и прекрасно! Значит, ребенок от кого-то другого. Тогда возникает сразу два вопроса. Чей это ребенок? Неужели она...

Храбростью я не отличаюсь и стараюсь всячески избегать любых конфликтов. Поэтому сижу молча, не зная, какие слова говорить дрожащей Дженне. Я не в состоянии думать о Филипе... Мне кажется, уж кто-кто, но он ни за что не потерпит двуличности. Бедняжка Дженна. И представить не могу, каково ей сейчас. Наверное, для нее это действительно катастрофа.

Но надо отдать ей должное: она очень, очень мила. Пожалуй, даже красива. Я, как и многие другие, включая Филипа, не могу остаться равнодушной к красоте. К ней тянешься, не видя последствий. И винить Филипа я тоже не могу, поскольку... ситуация вполне понятная. Он не монах и не обязан жить аскетической жизнью. Меня интимная сторона его жизни вообще не касается. Я всего лишь служащая в его магазине. Вряд ли Филипу пришло бы в голову назвать меня хотя бы своей приятельницей.

Дженна вздыхает и ставит пустой стакан на столик:

- Что ты думаешь по этому поводу?

- Почти ничего.

В критические моменты помощница из меня никакая, и сейчас как раз такой момент.

Кризис.

Дженна падает на диван и плачет, наверное, целую минуту. Потом шумно сморкается в бумажный платок. Я придвигаюсь к ней поближе, и она кладет голову мне на плечо.

Я стучу ей по коленке, глажу ее спину:

- Дженна, ты не переживай. Все будет хорошо.

Есть клиника. Одна ее подруга... Так, Дженна нашла клинику. Завтра она туда пойдет и сделает аборт. Проблема будет решена. Филип ни о чем не узнает. Слава богу, завтра он опять поедет на книжную ярмарку. Он и не должен знать о подобных вещах. Никогда. Дженна его любит. По-настоящему. Она допустила оплошность. («Роберта, а кто не ошибается?») Встретила своего бывшего парня, тот признался, что помнит ее до сих пор и что она разбила ему сердце. Уговаривал ее вернуться... Ей в тот момент стало его жалко. Глупо, конечно.

- А ты когда-нибудь делала аборт? - спрашивает она.

- Нет, - почти сразу отвечаю я.

- Я не хочу идти туда одна. В смысле в клинику.

- Понимаю.

- Ты пойдешь со мной? Ну пожалуйста.

- Конечно пойду.

– Мне больше некого попросить. Совсем некого.

– Не волнуйся, я пойду с тобой.

– Не хочется просить Софи.

– Само собой.

Я ее понимаю. Они почти ровесницы, обе девицы видные. Как говорят, женщины на все девяносто пять. Софи тоже симпатичная: темно-каштановые волосы, задумчивые глаза шоколадного цвета, ровный загар. Естественно, между ними возникает соперничество. Ревность. Пусть без ссор и эксцессов, но женская конкуренция дает себя знать. Мне нравится наблюдать за всем этим со стороны, с безопасного расстояния. Я старше их на целых десять лет. А по ощущениям – и того больше. Это мое преимущество. Огромное преимущество. Я с ними не соперничаю, они не чувствуют во мне угрозу. Я сторонняя наблюдательница, не выказывающая особого интереса. Но в то же время эти девицы – мои подруги. И одной понадобилась помощь.

– Мне нужен человек, которому я могу полностью доверять, – говорит Дженна. – О таком не каждому расскажешь. Филип вообще не должен об этом узнать. Одной мне не выдержать. Помоги мне. Ты такая чуткая и заботливая.

– Дженна, я тебе пообещала пойти. Значит, пойду. Не надо дергаться. А как насчет отца?

В ответ Дженна смеется. Смех у нее странный, полный отчаяния.

– Боже мой, Роберта, до чего же ты бываешь наивной.

Филипу она скажет, что целый день проведет с подругой, которую давно не видела. Я позвоню и скажу, что мне нездоровится. Болит голова, менструальные боли. Словом, все звучащее правдоподобно. Бедняжку Софи ожидает тяжелый день. Одна за всех. Но Дженну это не волнует. Она считает, что Софи справится. К тому же сейчас у нас нет наплыва покупателей.

Я молча слушаю, как Дженна строит планы на завтра, и вспоминаю свой прошлый день рождения. Мне тогда стукнуло тридцать четыре. Неподалеку от нашего магазина есть пекарня. Я принесла оттуда пирожные и пончики, щедро начиненные растительными сливками и красным приторным сиропом (в меню он назывался джемом). Дженна отказалась от пирожного: она-де следит за своим весом. Я пожала плечами и сказала, что в таком случае отнесу пирожное своей кошке. Моя киса обожает пирожные, особенно с дней рождения. Помню, как переменялось лицо Дженны. Она покраснела, пробормотала извинения и взяла пирожное. Конечно, мне потом было очень стыдно. Я и в мыслях не имела ее унижить. Я просто пошутила... Потом, открыв на магазинной кухне мусорный бак, я нашла там это пирожное. Дженна его едва надкусила. Тогда я поняла: Дженна привыкла к унижениям. Вряд ли у нее много подруг. С того дня я решила изменить свое отношение к ней. Я не ревнива, и мне с ней нечего делить. Постепенно она прониклась ко мне доверием, и мы стали подругами.

И теперь я просто обязана ей помочь. Разве у меня повернется язык сказать «нет»?

– Хорошая ты женщина, Роберта. – Дженна вытирает нос и грустно улыбается мне.

А мои мысли уже далеко от гостиной, дивана и Дженны. Так всегда со мной бывает в напряженные драматические моменты. Мне хочется поговорить с бабуней. Хочется расспросить ее о письме. Даже сейчас, лежа у меня в сумочке, оно продолжает нашептывать мне странные слова. Это письмо я помню почти наизусть. Мне нужно повидать бабуню, и как можно скорее. Я все равно собиралась к ней. Но могу ли я спросить ее об этом письме? Я ни в коем случае не хочу ее огорчить своими попытками проникнуть в тайны, которые она не хочет раскрывать.

Рядом сопит бледная, испуганная Дженна. Вначале я должна помочь ей.

курсы для работниц Женской земледельческой армии. Администрация графства наняла их на работу и направила в деревню, где жила Дороти. Девушкам требовалось жилье, а она одна занимала целый дом. То, что ей вообще позволили остаться в этом доме, Дороти считала редким везением. Альберт пошел в армию добровольцем, дабы исполнить свой долг. Так тогда говорил не он один, а все, кто пополнял ряды добровольцев. Но и Дороти, и односельчане знали: Альберт попросту сбежал от нее, оставив позади свое горе и недовольство. И потом, ему хотелось близости с женщинами. Супружеские отношения с женой полностью прекратились. Дороти была достаточно умна и проницательна, чтобы это понять. Ведь ему было всего тридцать три года. «Отпусти его», – сказала она себе. Тоски по Альберту она не ощущала.

До нее стали доходить слухи, что кое-кто из местного начальства и односельчан сомневался в ее праве остаться в деревне. По мнению этих людей, Альберту было незачем идти добровольцем. Его ценили за трудолюбие и умелые руки. Пусть бы себе дожидался официальной повестки, которая могла и не прийти. Дороти оказалась в трудном положении. В конце концов ей позволили остаться, но обязали заняться полезной для деревни работой – стиркой. Ее освободили от платы за жилье и даже пообещали скромное жалованье, за которое она должна была обстирывать всю деревню. В прачечной ей поставили кипяtilьный бак последней конструкции и ручную отжималку. Поговаривали даже о покупке стиральной машины. В ее саду вкопали столбы, между которыми крест-накрест натянули целые ярды сушильных веревок. Дороти только радовалась, что не завела коз. Миссис Твуми предлагала ей по весне двух очаровательных козлят. Они были милыми созданиями, но очень любили жевать выстиранное белье.

Потом появились эти девушки, Эгги и Нина. Они постоянно смеялись, по поводу и без. Были жизнерадостными и суматошными. Дороти с удовольствием обстирывала своих квартиранток. Ей даже нравилось кипятить нижнее белье Эгги, запачканное менструальной кровью, а также гигиенические салфетки. Эти салфетки Дороти нашла им в первые же дни после их приезда в деревню. Пустила на эти цели камчатную скатерть персикового цвета, которая однажды застряла в вальцах отжимальной машины и была непоправимо испорчена. Хрупкая блондинка Эгги, удивившая Дороти гладкостью кожи и серебристым смехом, очень страдала от менструальных кровотечений. Они мучили ее с беспощадной регулярностью и сопровождались болями во всем теле. Нина была ее полной противоположностью. Выше ростом, крепче телом и с низким голосом курильщицы. Ее месячные не отличались регулярностью, длились недолго и оставляли на одежде лишь редкие капли крови. Нина весело плыла по жизни с изяществом океанского лайнера. За несколько недель совместной жизни Дороти

успела узнать и почти полюбить этих девочек.

Она поселила их в своей комнате. После Сидни Дороти покинула эту комнату, оставив Альберта одного ворочаться на широкой медной кровати. Для себя она выбрала комнатку, окно которой выходило на задний сад. Из окна ей было видно поле Лонг-Акр, а также далекие вязы и Лоддерстонский аэродром. Дороти вполне устраивала небольшая узкая кровать со старым матрасом. Ей нравилось лежать и писать. Читая потом написанное, Дороти удивлялась. Казалось, эти слова вывел кто-то другой.

Для своей кровати она сшила новое покрывало из всего, что нашлось под рукой. В ход пошли лоскуты и лоскутки, квадраты, треугольники и бесформенные кусочки. Покрывало получилось диковинным. В маленьком шкафу Дороти развесила свою немногочисленную одежду. Нижнее белье сложила в ящик туалетного столика, а на прикроватный столик поставила вазу с полевыми цветами. Каждый вечер, закончив дела, она уходила к себе и плотно закрывала дверь. Альберт ни разу к ней не постучался, за что она была ему только благодарна. Потом он покинул деревню. Это случилось в августе 1939 года. Он просто сбежал. Дороти толком не знала ни где он, ни чем занимается. Альберт не писал ей писем и вообще не давал о себе знать. Денег тоже не присылал. Дороти решила, что это развод, и начала свою одинокую жизнь. Она старалась обеспечивать себя всем необходимым. Сама пекла хлеб. Те несколько яиц в неделю, что несли ее куры, Дороти убирала в кладовую. Она делала новую одежду из старой и стала искусной швеей. Научилась шить на старом зингере». По словам Альберта, эта машина принадлежала его матери. В этом году Дороти засеяла огород и, как умела, обработала фруктовые деревья. Не все хорошо вошло, не все дало ожидаемые плоды, но Дороти ела так мало, что ее это ничуть не заботило. Она ела просто для поддержания сил, не ощущая никакого удовольствия от еды. Вся пища имела для нее отвратительный вкус, а жевание и глотание вызывали тошноту. Она начала ненавидеть свое тело за его худобу и странные, отталкивающие потребности, за неспособность быть нормальным женским телом и исполнять то, что ему положено. Дороти не знала, кто наградил ее испорченным телом – Бог или природа. Впрочем, она давно уже не терзалась этим вопросом.

А потом ее дом наполнился зычным говором лондонских кокни, громким смехом, неприличными словами. Но все это несло с собой и энергию. Дороти готовила девочкам еду, стирала их одежду и постельное белье, чинила и штопала, стараясь, чтобы они могли по-настоящему отдохнуть после тяжелого трудового

дня. Она не видела более усердных сельскохозяйственных работниц, чем эти городские девицы. Альберту – сильному и выросшему в деревне – такая работа давалась легко. А Эгги и Нина каждый день вели настоящие сражения с полем, стараясь сделать все, что от них требовалось. Они потели, плакали от досады, но продолжали. Они натирали ноги, их руки покрывались волдырями, царапинами и порезами. Их ладони грубели и становились мозолистыми. Но девчонки не сдавались. Их пример вдохновлял Дороти, наполняя ее жизнь смыслом и надеждами.

С момента падения «харрикейна» на Лонг-Акр прошло уже три дня. Раны Дороти не успели зажить, и бинтов она не снимала. Но она не желала сидеть без дела и, преодолевая боль, стряпала для девочек и даже ухитрилась чуть-чуть стирать (а гора скопившегося белья росла). В это время к ней постучался неожиданный гость.

Она слышала, как кто-то открыл засов на передней калитке и вошел, не забыв закрыть саму калитку. Дороти быстро спрятала записную книжку в ящик, где лежали ложки, вилки и ножи. Она писала новое стихотворение, и у нее впервые что-то получилось. Во всяком случае, пара строк выглядела вполне осмысленной. Ей даже казалось, что она начала писать как-то по-новому. Кто же это может быть? Скорее всего, миссис Комптон. Дороти морально подготовилась к появлению этой неприятной особы и, чтобы скрыть недовольство, замурлыкала себе под нос песенку. Миссис Комптон незачем видеть, в каком она состоянии. Дороти стремилась ничем себя не выдать. Фактически она побаивалась этой всезнающей пожилой женщины.

Однако, судя по стуку в дверь, это не миссис Комптон. Стук короткий, энергичный. Так стучатся мужчины. Вытерев руки о передник, Дороти подошла и открыла.

– Миссис Синклер? – спросил пришедший.

В его английском улавливался иностранный акцент. Наверное, польский, предположила Дороти. В руке мужчина держал большой букет полевых цветов, старательно пряча его за спиной.

– Да. Что вам угодно?

Дороти говорила сухим, натянутым тоном, с ужасом узнавая в голосе интонации своей матери.

– Я командир эскадрильи Ян Петриковски.

Он произнес это так, словно его имя было Дороти знакомо. Затем осторожно взял и поцеловал ей руку, после чего тут же отпустил и изящным движением преподнес цветы.

– Ой, спасибо, – пробормотала покрасневшая Дороти.

Теперь ее голос не напоминал материнский. Она взяла букет и понюхала цветы; больше из вежливости, чем из любопытства. О чем говорить с ним, Дороти не знала. Как и все мужчины в военной форме, он выглядел подтянутым и не лишенным обаяния. Дороти почему-то сразу отметила его темные прилизанные волосы, зачесанные на пробор, и гладкую загорелую кожу. Мужчина был чисто выбрит. Затем внимание Дороти переместилось на его глаза. Голубые. Пожалуй, даже светло-голубые. Взгляд у него был прямым и спокойным, что тревожило и интриговало Дороти. Ростом он был на два-три дюйма выше ее. Не ахти какой высокий, но и не коротышка. И явно моложе – на четыре, пять или даже шесть лет. Слишком молодой. Как Альберт. Это сразу отсекало возможность дальнейших отношений. Надо сказать, все эти мысли пронеслись в мозгу Дороти лихорадочной чередой.

– Я приехал поблагодарить вас за ваши бесстрашные усилия по спасению моего соотечественника.

Его слова показались Дороти слишком напыщенными, но она умела не показывать вида.

– Разве я кого-то спасла?

– Вы пытались спасти моего летчика. Во вторник его самолет подбили, и он упал на поле. Мы слышали о проявленном вами мужестве, – сказал командир эскадрильи Ян Петриковски и поклонился.

Дороти смотрела на него в немом изумлении. К этому примешивалось что-то еще, о чем ей совсем не хотелось думать.

– Я вижу у вас повязки, – продолжал поляк. – Надеюсь, ваше лицо не слишком пострадало?

Черт бы побрал эту деревенскую сплетницу! Успела растрезвонить! Будучи по сути своей человеком добрым, Дороти даже мысленно не могла заставить себя назвать эту доброхотку «коровой», не говоря уже о «суке». Такие слова были слишком жестокими и невежливыми. Природное великодушие удерживало Дороти от возражений и попыток восстановить истину.

– Видите ли, на самом деле я... в общем, я не пыталась его спасти. Все так думают... впрочем, не будем об этом. Спасибо вам. А лицо мое не слишком пострадало. Скоро все заживет. Я в этом не сомневаюсь... Может быть, войдете?

Едва командир эскадрильи переступил порог ее кухни, Дороти почувствовала странное спокойствие и даже внезапную радость от присутствия мужчины. Целых девять месяцев здесь не появлялся ни один мужчина. Дом стал женским островком, особенно после того, как в нем поселились Эгги и Нина. Дороти предложила гостю сесть, и он сел. Огляделся по сторонам. Его взгляд надолго остановился на каминной полке с подсвечниками, часами и тонким слоем угольной пыли.

– Ваша кухня похожа на кухню моей матери. – Он обвел рукой пространство, будто желая показать Дороти всю панораму. – Такая же была в доме, где я вырос.

– И где это? – спросила Дороти, взявшись готовить чай.

Она доставала чашки, молоко, сахар. У нее дрожали руки.

– Polska.

– Польша?

– Да. Польша.

Ян Петриковски улыбнулся ей. Улыбнулся широко. Дороти обнаружила, что вовсю глазаеет на его улыбку вопреки своему намерению держаться официально. Она мысленно отчитала себя («Нельзя быть такой дурой») и сосредоточилась на приготовлении чая. Дрожь в руках еще усилилась. Дороти закусил губу, подавляя желание хихикнуть. Ее что, шлепнули по коленкам? Получается, что так.

– Знаю, знаю, – сказала Дороти, пытаюсь совладать с голосом, который становился все оживленнее. – У нас ведь империалистические замашки. Что, разве не так?

Она кашлянула, удивляясь себе. Что за вожжа попала ей под хвост? Так себя вести с человеком, которого видит впервые.

Если ее грубая речь и ошеломила гостя, командир эскадрильи Ян Петриковски это никак не показал. Может, не понял ее? Но ведь он очень хорошо говорит по-английски. Дороти не верилось, что он не слышал подобных слов и не знал их значения. Похоже, у него завидное умение владеть собой. Наверное, она могла бы даже выругаться в его присутствии и не услышать осуждения.

– Это я от своих девчонок подцепила, – сообщила Дороти, словно хвастаясь.

– Вы про «империалистические замашки»?

– Да. Они меня и другим словечкам научили. «Проклятый». «Кошмарный».

– Девчонки – это ваши...

– Две лондонские девушки. Посланы к нам Женской земледельческой армией работать на ферме. У нас ведь так много мужчин... – Дороти сразу подумала о муже, бросившем ее, и постаралась, чтобы в голосе не ощущалась горечь. – У нас так много мужчин ушли в армию.

– А вы сердитая женщина, миссис Синклер.

Дороти решила не реагировать на его слова. Она приготовила чай, вставила в носик чайника ситечко, затем хотела налить в чашку гостя молоко. Он вежливо

отказался, сказав, что пьет чай без молока. Хорошо, пусть будет так. Дороти подсластила чай в обеих чашках. Но после такого замечания она держалась настороже, несколько ошеломленная замечанием поляка. Сердитая? Да, у нее хватает причин быть сердитой и недовольной. Но неужели это так бросается в глаза?

Она стала слушать рассказ этого мужчины, этого странного мужчины, не пьющего чай с молоком (невероятно!). Неожиданный гость в ее доме, гость в ее стране, он рассказывал Дороти о своей жизни. Он был единственным ребенком у матери. Мать растила его одна. Отца он вообще не знал. Мать была сильной, независимой женщиной, привыкшей заботиться о себе и сыне. Они жили в деревушке близ польского города со странным названием Краков. Дороти не представляла себе, где находится этот Краков, не говоря уже о деревнях вокруг него. Далее командир эскадрильи рассказал, что его мать была женщиной образованной. Она любила изучать иностранные языки и с ранних лет учила сына английскому. Какой же предусмотрительной оказалась эта женщина. Гость признался, что не раз благодарил Бога за то, что приехал в Англию не «безъязыким», как многие его соотечественники. Знание английского позволяет ему надеяться на создание польской эскадрильи. Были у гостя и надежды на будущее. После войны он рассчитывал вернуться на родину (возможно, в дом матери или в другой) и служить в возрожденных польских ВВС. Он одинаково ругал нацистов и русских, нарушивших нормальное течение жизни.

Нет, он хорошо знал смысл таких слов. Интересно, а сколько же ему лет?

- Мне тридцать, - ответил он.

Неужели она вслух спросила его о возрасте? В голове Дороти все смешалось: его голос, ее голоса, звучащие внутри и вслух. Все это превратилось в диковинную смесь раздражения, откровенных слов и... приятного возбуждения. Последнее ее просто ужасало. Девять лет. Девять лет? Нет. Нет! Ни в коем случае.

- Так вы... летчик?

- Да. Командир эскадрильи.

- Да, конечно. Вы же говорили. Извините. Наверное, я кажусь вам совершенной душой. Я просто устала.

– Понимаю. – Гость залпом допил чай и встал.

– Это не значит, что вам нужно уходить. Извините. Расскажите мне... еще что-нибудь. А в Лоддерстоне сейчас много польских летчиков?

– Достаточно, чтобы создать эскадрилью. Но нам не доверяют. Англичане до сих пор не заметили наших боевых и профессиональных качеств. Нам велят заниматься тренировочными полетами. А ведь многие из нас успели повоевать с немцами и на родине, и во Франции. Мы не новички. Но нас заставляют учить английский! Я объясняю командованию, что могу переводить для своих подчиненных и давать им все необходимые объяснения. Нас это угнетает. Кое-кто из моих ребят начинает валять в воздухе дурака. Кувыркаться. Вот один и докувыркался. Так глупо погибнуть... Вижу, вам действительно нужно отдохнуть. Еще раз спасибо за ваш поступок. Я обязательно сообщу семье погибшего о ваших смелых действиях.

Командир эскадрильи открыл дверь.

– Пожалуйста, не делайте этого. Это... это было так обыденно. Даже глупо с моей стороны.

«Пожалуйста, не уходи» – вот что хотела она сказать на самом деле. Этот поляк был таким интересным человеком.

– Не глупо, – возразил он. – Смело.

– А я тоже единственный ребенок, – вдруг вырвалось у Дороти.

– Я почему-то так и подумал, – сказал он, выходя за дверь, на яркое дневное солнце.

Все. Ему пора, и задерживаться он не станет.

Дороти ругала себя за глупые мысли, но ей нравилось, как солнце освещает его черные волосы. Он снова поцеловал ей руку. Потом кивнул, попрощался и уехал. Дороти перешла в гостиную и следила за ним сквозь кружевные занавески, пожелтевшие от дыма девчоночьих сигарет и нуждавшиеся в стирке. Поляк сел

на велосипед и направился в сторону Лоддерстона. Вскоре он исчез из виду, словно его поглотили цветущие майские деревья, синее небо, густые зеленые изгороди и дымка, поднимавшаяся над дорогой.

Дороти вернулась в кухню. Взяв букет, снова понюхала полевые цветы. Потом наполнила водой свой лучший эмалированный кувшин, поставила туда букет, бережно расправляя каждый цветок. Кувшин она поместила на каминную полку. Какое-то время стояла, глядя на цветы, после чего достала записную книжку и принялась лихорадочно писать. Писала долго, наверное полчаса. Наконец-то у нее появилось что-то, о чем можно написать. Дороти понюхала тыльную сторону ладони, которую дважды поцеловал поляк. Она тщательно принюхивалась, но ничего не учуяла. Тогда она взяла чашку, из которой он пил, и тоже поднесла к носу. Понюхала ободок, ручку, тщательно осмотрела всю чашку. И вдруг импульсивно, совершенно не чувствуя стыда и отвращения, облизала кромку чашки. Но ощутила лишь вкус чая.

Он уехал. Конечно, ему хотелось задержаться подольше. Хотелось обернуться и взглянуть на эту англичанку, которая наверняка сейчас стояла и смотрела на него сквозь кружевные занавески. Он хотел помахать ей, однако потом решил этого не делать. Даже себе он не мог объяснить, что? он почувствовал, сидя на ее кухне, попивая крепкий сладкий чай и слушая ее нежный голос. Этот голос он мог бы слушать до конца своих дней.

Все это было так странно. Откуда он знал, что сегодня ему вдруг встретится такая удивительная женщина? Стучась в ее дверь, он и понятия не имел, какова эта миссис Синклер. Он просто считал своим долгом выразить ей благодарность. Это его обязанность – одна из многих, возложенных на него. Но стоило двери открыться, и та, кого он увидел, его мгновенно очаровала.

Ему хотелось снова с ней повидаться. Он это знал. Он просто должен снова это сделать. Это он тоже знал. Он навестит ее при первой же возможности. Он чувствовал... нет, он был уверен, что ей этого тоже хочется, и потому ему не понадобится искать предлог.

Черно-белая фотография. На ней – симпатичный усатый мужчина лет около сорока, обнимающий за плечи женщину невысокого роста. Светловолосую (скорее всего, блондинку), чуть помладше его. Оба широко улыбаются в объектив аппарата. На обороте снимка надпись: «Гарри и Нора. Майнхед, август 1958 г.». Ниже – круглым подростковым почерком дописано: «Бабуля и дедуля Ломакс».

(Найдено внутри романа Андреа Ньюэна «Букет колючей проволоки». Книга в мягкой обложке, старая, но в хорошем состоянии. Я поместила ее в зал, где у нас собраны книги разных жанров стоимостью по одному фунту за каждую.)

Я еду в клинику. Решительно настроенная Дженна сидит рядом со мной, глядя на людей, здания, деревья и машины, мимо которых мы проезжаем. Назвав мне адрес и вкратце рассказав, как туда добраться, больше она не произносит ни слова. Пытаюсь завязать разговор, но, наверное, сейчас не время. Всю дорогу до места мы слушаем «Радио-4». На каменном воротном столбе – не слишком приметная медная табличка, извещающая, что здесь находится клиника «Эвергрин»[2 - Английское слово «evergreen» переводится как «неувядающий», «вечно живой», «вечнозеленый»]. Странное название для подобного места. Представляю состояние Дженны, сидящей рядом. Она даже не шевелится. Сворачиваю на гравийную подъездную дорожку и останавливаюсь возле знака парковки. Кажется, дождь только и ждал, когда мы здесь появимся. На крышу машины падают тяжелые капли, прерывающие наше молчание.

– Ты ведь пойдешь со мной? – спрашивает Дженна. – Ну пожалуйста, пойдем вместе.

– Конечно пойду. Мы же еще вчера договорились.

– Ой, спасибо! Я тебе так благодарна. Но мне страшно.

Еще бы ей не было страшно!

– Ты ведь можешь и не ходить, – осторожно замечаю я.

– Нет, пойду.

Я знаю, что она пойдет. Бессмысленно оттягивать неизбежное. Бесполезно пытаться разубедить Дженну. Это драма для одной актрисы.

Мы идем через опрятную лужайку с единственным кустом магнолии в центре. Красивые белые цветы, вселяющие надежду. Медленно поднимаемся по внушительным ступенькам, ведущим к двери с надписью «Вход». Внутри сумрачно. Дубовые панели, кожаная мебель. За аляповатым столом – его крышка отделана фанерой с имитацией ценных пород дерева – чопорно восседает длинноволосая блондинка. На ее бейдже написано: «Рита». Я не верю, что это настоящее ее имя. Она предлагает нам обождать в большой приемной. Скорее всего, дом когда-то был частным владением и здесь помещалась гостиная. По телевизору идет какой-то сериал восьмидесятых годов прошлого века (обычная дневная тележвачка). Пациенток хватает. Как и Дженна, все они нервничают и ждут своей очереди на фундаментальное вмешательство в природный ход вещей. Правы они или нет – не мне судить. Я здесь посторонняя. И все равно меня саму начинает слегка подташнивать. Ладони делаются липкими. Кое-кто из ждущих – совсем еще девчонки, которых сюда привели матери. Матери нервничают не меньше дочерей. Но, как и Дженна, они приняли решение. Есть и супружеские пары. Их всего две. Мужья обнимают жен и гладят им руки. А эти почему здесь? Какие обстоятельства привели их сюда? Почему они так решили? Этого я никогда не узнаю. Такое мне не дано знать.

Полчаса ожидания кажутся вечностью. Наконец медсестра вызывает Дженну, и та, словно призрак, уходит в невидимый кабинет. Дверь тихо закрывается за ней. Я продолжаю смотреть передачу, где меня учат готовить курицу в тройной медовой глазури. Стараюсь начисто забыть, кто я такая и как здесь очутилась. Стараюсь заслониться от разговоров вокруг и, конечно же, не думать о происходящем за той дверью.

Дженна возвращается минут через пятнадцать, вся бледная. Жестом зовет меня наружу. Я выхожу туда, где светит солнце, а на деревьях щебечут птицы. Где, в отличие от клиники, чувствуется жизнь. Дженна усаживается на нижнюю ступеньку крыльца, достает сигарету и закуривает. Я в шоке. У нее дрожит рука. Сигаретный дым вьется вокруг ее тонких, унизанных кольцами пальцев. Я и не знала, что она курит.

– Мне дадут таблетку, – говорит Дженна. – Сегодня, после осмотра у врача.

- Таблетку?

- Ну да. Она прервет беременность, и у меня все выйдет с кровью. Это как при месячных.

- Значит, ты беременна, - растерянно бормочу я.

Как было бы здорово, если бы у Дженны оказалась обыкновенная задержка и ей бы не пришлось... решать судьбу ребенка.

- Да. Мне это даже показали на экране. Маленькая такая крупинка. Как будто фильм смотришь. Правда, смотреть там особенно не на что. Только тени и... пульсации. Срок - пять с половиной недель. Это хорошо, что я вовремя спохватилась. Согласна?

- Ты и сейчас хочешь это сделать? - Мне тяжело говорить. Слова я произношу с трудом, каким-то писклявым, не своим голосом. - Ты пойдешь на прием и примешь таблетку?

- Конечно. Решено бесповоротно. Я допустила ошибку. Крупную ошибку. Там еще и ребенка-то нет никакого. Просто комочек из клеток и ткани. Ни глаз, ни рта, ни тем более мозгов. И кожи нет. Пойми, Роберта, это вовсе не преступление. Не будь святее папы римского. Я имею полное право так поступить. Все совершенно законно.

- Знаю. Я и не пыталась... Конечно, ты сама решаешь.

Мне больше нечего сказать.

Чувствую, раскаяние для Дженны - пока что понятие чисто теоретическое. Жизнь ее еще не прошибла. Я готова заплакать, но плакать мне не хочется, и я усиленно думаю о приготовлении курицы в тройной медовой глазури. О возвращении домой, в свое надежное одиночество. Мне вдруг отчаянно хочется горячих промасленных лепешек, намазанных крыжовенным вареньем. Бабуня каждый год варила это изумительное варенье, пока не состарилась настолько, что ей стало трудно стоять у плиты. Помню целые ряды широкогорлых бутылок, занимавших самую верхнюю полку в ее кладовой.

Дженна глубоко затягивается сигаретой. Ее тайна стала нашей общей тайной, и это поневоле еще сильнее сближает нас. Лучше бы она не просила меня о помощи. Лучше бы я не соглашалась ей помочь. Софи гораздо удачнее справилась бы с этой ролью. У нее есть и здравый смысл, и громадные запасы сострадания. Я слишком многое ношу в себе, и это создает мне проблемы.

Опять вспоминаю фразу из дедушкиного письма. Если верить бабушкиным рассказам, его письмо должно было прийти с того света. Твоя душа окажется в плену из-за твоих сегодняшних решений и не сможет вырваться. Что он хотел этим сказать?

Дженне пора возвращаться в «Эвергрин», где ее осмотрит врач. Дженна предлагает мне подождать в машине: теперь она справится сама. Ведь все худшее уже позади. Я не возражаю и усаживаюсь в салон. Сажу в гнетущей тишине (двигатель, естественно, выключен) и думаю о Филипе. Он никогда не услышит о событиях этого дня. И слава богу! Я достаточно знаю своего босса и могу предсказать его реакции. Это бы его глубоко задело и даже шокировало. Ему было бы стыдно и за Дженну, и за меня. Я знаю, что именно ударило бы Филипа больнее всего. Не аборт и даже не то, что Дженна забеременела от другого. Его бы добила наше вранье и обман. Как мне сейчас хочется, чтобы Дженна передумала и с плачем ворвалась бы в машину, плюхнулась на сиденье, закрывая руками живот. Чтобы перестала усиленно давить в себе материнский инстинкт. Мне хочется широко улыбнуться ей в ответ, защелкнуть на ней ремень безопасности, рвануть отсюда на полной скорости и больше никогда не возвращаться.

Но я знаю: этого не будет.

Мысленно вижу Филипа на книжной ярмарке: обаятельного, общительного. Зная, насколько он безразличен к роду человеческому, уметь так себя вести – это настоящий подвиг. Потом я переносюсь в наш магазин, где бедняжке Софи, наверное, достается одной. И за магазином следить надо, и покупателей обслуживать. Вдруг какому-нибудь идиоту вздумается к ней приставать? Мне не дожидаться, когда я вырвусь отсюда и вернусь в свой любимый мир.

Дедушкино письмо и сейчас лежит у меня в сумочке. Я когда угодно могу его достать и прочесть. Это я и делаю, пока жду Дженну. Проще всего было бы спросить у отца, но я не хочу его расстраивать. Ему хватает собственных страданий. Интересно, знает ли он, что в феврале 1941 года его отец был жив и

здоров? Во всяком случае, достаточно здоров, чтобы написать его матери о разрыве отношений с ней. А может, родители моего отца вообще не были женаты? И знает ли он, что его мать совершила непростительный поступок (во всяком случае, с точки зрения моего деда) по отношению к какому-то ребенку?

Не сделала ли бабушка аборт?

Но разве в 1941 году аборт были разрешены? Не думаю.

Тогда что же такого моя бабушка сделала «матери этого ребенка»? Может, речь вовсе не о бабушке? Не стоит забывать, что английский не был родным языком деда. Думал он, естественно, по-польски. Возможно, не все мысли ему удавалось правильно перевести на чужой язык. Могло ли что-то исказиться или утратиться при переводе? Жаль, я не могу задать эти вопросы своей матери, живой и здравствующей. Нет, подобное начисто исключено. Остается лишь бабушка, моя любимая бабуня.

А бабуне уже 109 лет.

Я поднимаю глаза от письма и вижу Дженну, выходящую из клиники. Она легко сбегает вниз по ступенькам и кратчайшей дорогой (начисто игнорируя табличку «По траве не ходить») идет к моей машине. Можно возвращаться. Дженна сообщает мне, что приняла таблетку, и улыбается так, словно удачно поторговалась на распродаже. Мне знакома эта улыбка.

6

«Маркусу оки-чмоки и все такое. Натали». Открытка представляет собой красный картонный прямоугольник, на который наклеено розовое фетровое сердце. Скорее всего, самоделка. Над всеми «i» вместо точек – маленькие сердечки. Поначалу открытка кажется мне слишком легкомысленной и даже глупой, но затем я меняю свое мнение. Нет в ней ни легкомыслия, ни глупости. Бесхитростное, искреннее и трогательное послание. Решаю оставить ее себе. Скорее всего, парень, принесший нам несколько коробок книг в мягких обложках, и был этим Маркусом. Он пришел не один, а с подругой. Оба тащили

по две коробки. Девушку он называл Ким.

(Эту открытку я нашла в романе «Бог мелочей», написанном индийской писательницей Арундати Рой. Роман был выпущен издательством «Харпер перенниэл». Нам принесли не коммерческий, а так называемый предварительный экземпляр, который издательство рассылало с целью рекламы. Место ему – возле входной двери, под окном, среди книжечек по 30 пенсов каждая.)

С моей кошкой Тарой мы прожили немало счастливых лет. По вечерам, когда я возвращалась с работы, она встречала меня, грациозно выгибая спину. По воскресеньям, когда я садилась читать или, что бывало реже, смотрела фильм, она устраивалась у меня на коленях. В отличие от многих котов и кошек, она была верным и преданным зверем. Я почти не сомневалась, что она любит меня так же сильно, как я ее. В прошлую субботу, вернувшись домой, я не сразу смогла войти. На дверном коврик лежала неподвижная, окоченевшая Тара.

Когда стемнело и никто не мог видеть, чем я занимаюсь, я отнесла Тару на задний двор, где у меня крохотный садик, и похоронила под сливой.

Устройством в «Старину и современность» я во многом обязана своей интуиции. Филип тогда подумывал открыть в магазине второй зал для современных изданий. Ему требовался кто-нибудь, кто взял бы на себя эту сторону торговли и одновременно помогал бы ему с букинистикой. Мне нравится думать, что определенную роль в моем устройстве на работу сыграл и мой недавно полученный диплом по английской литературе. Филип говорит, что ему тогда понравилась моя дружеская, лишенная претенциозности манера общения и моя готовность, в числе прочего, заниматься уборкой. Он почувствовал, что я отлично впишусь в обстановку его магазина.

В те давние дни мы вдвоем и составляли нашу маленькую сплоченную команду. Всего два человека на весь магазин, открытый с девяти утра до пяти вечера (а зачастую и позже, ибо Филип не торопился запирать двери). Мы работали по шесть дней в неделю. Я жертвовала субботами без возражений. Круг моего общения был весьма узок. Рядом с Филипом мне было интересно. Он умел пошутить, удивлял меня своими тонкими наблюдениями за людьми, иногда

бывал излишне критичен. С самого первого дня мне было хорошо рядом с ним.

Наш магазин разрастался, и возникла потребность в третьем сотруднике. Так появилась Софи – девушка, приятная во всех отношениях, умная и добрая. Просто находка для магазина. Поначалу я ее недолюбливала. Мне хотелось, чтобы магазин и Филип по-прежнему принадлежали только мне. Я ревновала симпатичную Софи и к магазину, и к Филипу. К счастью, я преодолела эту дурацкую ревность.

По субботам за Софи заезжает Мэтт, ее приятель. Они часто приглашают меня пойти с ними потусоваться. Планы такие: набрать еды в китайском ресторане или в пиццерии, а потом пойти к ним смотреть фильм. Они будут только рады моей компании. Я всегда вежливо отказываюсь.

– Роберта, идем с нами, – говорит Софи. – Сменишь обстановку, развеешься.

– Нет, – всегда отвечаю я. – Мне надо Тару кормить.

Софи встряхивает головой:

– Так это же решаемо. Сгоняй домой, покорми свое животное, а потом к нам. Отлично проведем вечер. Это всего-навсего кошка, а не ребенок, которого нельзя оставить одного. Тебе тоже нужно иногда развлекаться.

С Филипом у нас чисто рабочие отношения, но мы умеем и пошутить, и посмеяться, что частенько и бывает. Мы редко говорим о нашей жизни за пределами магазина. Насколько я понимаю, лет двенадцать или тринадцать назад Филип купил этот дом постройки восемнадцатого века, в котором разместил свое заведение. У меня такое чувство, что он не залезал ни в какие долги и не брал кредитов. Как-то мы с Софи заговорили о возможных источниках дохода нашего босса. Филип мог выиграть в лотерею. Или получить наследство. Естественно, его самого о таких вещах мы никогда не спрашиваем. В иные месяцы «Старине и современности» удается выходить на нулевой баланс, когда ни прибыли, ни убытка. Но чаще к концу месяца мы приходим с дефицитом. Прибыльным бывает лишь декабрь, да и то не всегда. Однако Филипу каким-то образом удается держаться на плаву. Более того, у него нашлись деньги на обустройство квартиры на верхнем этаже. Комфорт и элегантность. Филип ценит простоту. Главный элемент его жилища, конечно же, книги. Огромное

количество книг из его частной коллекции. Много картин. В основном эстампы, но есть и несколько живописных полотен. Все они в простых, но изящных рамах. И очень много комнатных растений, что для мужчины весьма необычно. В просторной гостиной – вишнево-красный диван, о котором я уже говорила, а также старое кресло-качалка. В углу – небольшой телевизор. Никаких плейстейшенов, икс-боксов, или как там еще называют этих игровых монстров. Только небольшая коллекция тщательно подобранных фильмов на DVD. Пару слов о кухне. Она тоже небольшая и функциональная. Все в жилище Филипа просто и старомодно. По крайней мере, претендует на простоту и старомодность.

Одной из недавних идей Софи (Филип ценит ее «свежий подход») было переоборудование одного из помещений магазина под кафетерий. Едва услышав о ее предложении, Филип тут же наложил вето. Втайне я была ему за это благодарна. Но такова уж наша Софи. Она слишком... современна.

– У нас что, филиал какого-нибудь паршивого «Бордерса»? [3 - Крупная сеть американских книжных магазинов, прекратившая существование в 2011 г.] – взвился Филип. – Неудивительно, что их сеть на грани банкротства!

У него за спиной Софи показывает ему язык.

Конечно, сказано это было в шутку. Но Филип прав. Мы небольшой, но независимый магазин. Для нас главное – книги. Печатное слово.

Я готовлю простой обед, который разделю с... кем? Как его назвать? Моим бойфрендом? Любовником? Мужчиной, с которым я сплю?

На обед у нас курица в тройной медовой глазури с салатом и обсыпанным зеленью картофелем по-деревенски. Я не любительница готовить. Стоять у плиты для меня скучно и утомительно. В холодильнике доходит до кондиции бутылка «Пино Гриджо», а в морозильную камеру я загнала лимонный шербет. Вино для нас – нечто новое, поскольку жена не должна учуять запах, когда он вернется домой. Она уверена, что по четвергам, сразу после педсовета, ее муж отправляется в класс йоги. Меня немного пугает эта неприкрытая и такая хлипкая ложь. Я терпеть не могу ухищрений, хотя иногда они бывают необходимы. Но мне остается лишь сожалеть, что ему недостает

изобретательности.

Конечно же, мне самой жутковато. Я никогда не думала и не ожидала, что у меня дойдет до отношений с женатым мужчиной. Такое было вне моих планов. Думаю, всему виной момент слабости, когда на какое-то время я утратила способность здраво мыслить и оценивать свои поступки. А теперь пожинаю плоды тогдашней слабости. Его отношения с женой не клеятся, и это началось не вчера. Ее он называет тяжелой женщиной. Какой смысл он вкладывает в это определение, я не знаю и у него не допытываюсь. Если бы наша связь открылась и его жена закатила бы мне скандал, я бы на нее не рассердилась. Но это я так, к слову. Мне этого вовсе не хочется. Может, она не станет устраивать никакого скандала, а просто вытурит его из дому, и он явится ко мне на порог, жалкий и никчемный.

Неужели он рассчитывает, что при таком повороте событий я его приму? Или это логически вытекает из наших отношений?

Вряд ли. Мне совсем не хочется жить с ним под одной крышей. Мне вообще следовало бы прекратить отношения с женатым мужчиной, который старше меня на двадцать два года. Это нечестно, непорядочно и кончится ничем. Знаю, так оно и будет.

Его зовут Чарльз. Старомодное имя, но я из тех женщин, кого тянет к мужчинам старше себя и со старомодными именами. Мне как-то спокойнее с теми, кто годится мне в отцы. Ни излишней прыти, ни опасностей, которых можно ожидать от моих ровесников. Такие мужчины достаточно воспитанны.

И потом, совсем не обязательно ложиться с ними в постель, если не хочется. Их вполне устраивает, если они вам просто нравятся, если вы приглашаете их домой и выслушиваете их сетования на жизнь. Но в этом и кроется основной недостаток мужчин, годящихся вам в отцы: их сетования и жалобы никогда не иссякают.

Мой мужчина... Впрочем, какой он мой? Он принадлежит своей жене. Женщине по имени Франческа, которая, если верить его словам, пахнет как «Фебриз» – средство для поглощения запахов. Так вот, он подарил мне котенка. Маленькую кошечку, замену моей скончавшейся Таре. Как и другие завсегда и «Старины и современности», он знает о кончине Тары. Все выражают соболезнования.

Думаю, искренние. Смерть моей кошки дала им тему для разговоров.

Наше первое свидание происходило за пределами нашего городка. Чарльз не мог допустить, чтобы кто-нибудь увидел его с женщиной из книжного магазина. (Как ее зовут? У нее ведь вполне обычное имя. Кажется, Ребекка?) Итак, я встретила с мистером Чарльзом Дирхедом, директором Нортфилдской начальной школы. Он многим рисковал, и я тоже. Единственное отличие: меня не настолько пугали возможные последствия. У нас появилась тайна, и он уверен, что я всегда-всегда буду надежно ее хранить.

Но я ее не сохранила. Точнее, сохранила лишь отчасти.

Дело было в субботу, где-то через пару недель после того свидания. В магазин опять зашел «факсовый» парень и опять напомнил мне, что его предложение в силе. Я, как всегда, вежливо выпроводила парня и погрузилась в иллюстрированный справочник «Птицы Британии». Меня интересовала разница между ласточками и стрижами. Воспользовавшись, что рядом нет покупателей, Софи обрушила на меня вопрос:

– Ты с кем-то встречаешься?

– С чего ты взяла? – улыбнулась я.

Я вовсе не собиралась хвастаться своим неосторожным увлечением. И в то же время мне хотелось рассказать о нем, чтобы узнать, как это выглядит со стороны. По картинкам справочника я поняла, что летом над нашим магазином порхают стрижи, а не ласточки. И уж ни в коем случае не воронки, как называют городских ласточек.

– Встречаешься, – торжествующе заявила Софи. – Признавайся.

– Может, и встречаюсь. – Я подмигнула ей.

– С кем? Кто он? Кто такой?

– Он женат, – предостерегла я.

Я думала, это обстоятельство остановит дальнейшие расспросы. Ничуть.

- Ты серьезно? Ого! В общем... какая разница. Кто он? Он здесь бывает?

- Да.

Рядом с нами весьма некстати возникла покупательница. Софи быстро и вежливо ее обслужила.

- Так все-таки кто он? – снова спросила Софи, едва дождавшись, пока женщина уйдет.

- Чарльз Дирхед.

На ее лице отразилось разочарование. Мне захотелось протянуть руку и осторожно убрать его, как поправляют выбившуюся прядку волос. Я всегда с большой теплотой относилась к Софи.

- Все нормально, – пожала плечами я.

Разумеется, это вовсе не нормально. Но лучше, чем ничего. Я слишком долго прожила без мужчины, и Чарльз стал моим «кое-что».

Я его не любила и никогда бы не полюбила. Мы с Софи обе это понимали. Мы ненадолго умолкли, однако наше общение продолжалось на ином уровне. Возможно, на телепатическом. И наше безмолвное общение было куда интенсивнее разговоров.

- Но он же намного тебя старше, – заметила Софи, обрывая телепатическую нить.

- На двадцать два года.

- Не слишком ли стар?

Я ненадолго задумалась.

– Возможно. Но он внимателен. Он мне нравится. И потом, для своего возраста он очень даже симпатичный, – сказала я, обороняясь собственным тщеславием.

– Но он женат на другой женщине.

Мы обе вытаращили глаза и захихикали.

– Я понимаю, о чем ты, – сказала я и шепотом добавила: – Эта женщина – миссис Франческа Дирхед. Ты ее когда-нибудь видела?

– Кажется, нет.

– Он называет ее тяжелой.

– А ты не боишься разоблачения? Филип может тебя уволить. Его магазин окажется замешанным в скандале.

– Филип меня не уволит. Он ни о чем не узнает. И никто не узнает. Я не собираюсь кричать об этом на каждом углу. Да и Чарльзу огласка не нужна. Все нормально. Правда, Софи?

Из зала детской литературы вышла Дженна – расставляла там новые книги, полученные утром. Она бывает очень аккуратной, когда старается. Умеет все красиво разместить. Детским разделом занимается преимущественно она. Мы быстро умолкли. Дженна с улыбкой подошла к нам. Сомневаюсь, что она слышала наш разговор. Скорее всего, подумала, что мы говорили о ней.

Дженна вызвалась приготовить кофе и прошла на магазинную кухню. Вскоре оттуда донеслось громкое шипение закипающего чайника вперемешку со звоном чашек и блюдец. Софи сказала, что, раз я считаю отношения с «этим Дирхедом» (ее выражение) нормальными, пусть будет так. Ее они вообще не касаются. Вот это чистая правда.

Но меня интересует ее мнение. Она знает, что я не смогу быть по-настоящему счастлива с таким мужчиной, как Чарльз Дирхед, даже если он симпатичен и внимателен. А я знаю, что она об этом знает. По ее мнению, я заслуживаю лучшего. Наверное, она права. Но при моей одинокой жизни Чарльз меня вполне

устраивает. Он по-своему милый человек. Я достаточно в его вкусе. Правда, об этом я узнала по косвенным намекам. Напрямую таких слов он мне не скажет. Я могу затеряться в его жизни, а это значит, мне не надо будет особо задумываться о своей. А моя жизнь несравненно лучше, чем его. В этом я убедилась.

Ко мне он пришел хмурый и напряженный. Я поставила для него диск Билли Холидей. Мы оба любим джаз. Хорошо, когда есть что-то общее. Я спросила, не хочет ли он расположиться на диване в моей маленькой уютной гостиной, а я помассирую ему плечи и налью рюмочку вина... Так лучше. Мои усилия принесли результат. Он уже улыбается. Спрашивает, что сегодня на обед, поскольку из кухни очень уж вкусно пахнет. Ему не верится, что он может остаться на ночь. Это будет нашей первой ночью, проведенной вместе. Он потягивает вино и самодовольно улыбается. Я спрашиваю, по какому поводу. Оказывается, машину он оставил за две улицы до моей. «Никогда не знаешь, с кем случайно можешь столкнуться», – говорит он.

Нашей встрече мы обязаны... болезни матери Франчески. Да, старуха опять заболела. Ей не усидеть на месте, порывается что-то делать и без конца спотыкается и падает. То чем-нибудь порежется, то кость сломает. В общем-то, с ней ничего серьезного не случилось, но, по мнению Чарльза, теще понадобится операция. Переезжать в пансионат для престарелых она наотрез отказывается, и это есть не что иное, как старческий эгоизм по отношению к Франческе. У нее своя жизнь, свои дела. Она не может все бросать и мчаться в Дейлс на каждый мамочкин чих.

– Удача нам улыбнулась, – сказал он, позвонив мне и сообщив эту новость.

Я не люблю, когда он звонит мне на работу. Хорошо хоть, что на мобильник, а не на магазинный телефон. В моем списке контактов Чарльз закодирован под именем Эшли.

Оставив Эшли в гостиной, я иду на кухню заканчивать приготовление обеда. Себе я тоже налила рюмочку. Потягиваю вино и думаю: может, показать ему письмо деда? Нет, не стоит. Скорее всего, Дирхеду это будет неинтересно, а я предам и деда, и бабушку. Особенно мою бабуню. Ведь письмо адресовано ей.

Надеваю тонкое шелковое белье, купленное только вчера для этого великого события. Я выбрала темно-красный цвет, похожий на цвет крови из глубокой раны. На вид очень красиво, но мне в нем не слишком комфортно, но я игнорирую свои ощущения и думаю, как обрадуется Чарльз, когда начнет меня раздевать и увидит это белье. Надеюсь, ему понравится. И еще я надеюсь, что у нас будет бурный... О чем это я? Мы с ним недурно проведем время.

Мы этого заслуживаем.

Мы и в самом деле недурно проводим время. В постели Чарльз хорош. Могу сказать об этом, не покривив душой. Это составляет весьма значительную долю его обаяния. И в этом же – одна из причин, почему я остаюсь его... другой женщиной. Но я не могу отделаться от ощущения какой-то циничной пустоты всего этого.

В наших отношениях чего-то не хватает.

– А ты чего ожидала? – спросила Софи, выслушав мой рассказ.

У нее вид рассерженной домохозяйки. Она и стоит, как домохозяйка, уперев руки в бока.

– Не знаю, – бормочу я.

– Выкладывай начистоту.

– Я думала... Сама не знаю, о чем я думала. Хорошо иметь любовника... уж если другого слова не изобрели. Получаешь удовольствие. Это правда.

– Согласна. У тебя тоже есть право на удовольствия. Но от него ты их получаешь в урезанном виде. Надолго его не хватит. Да и зачем тебе отношения с женатым? Вечно оглядываться по сторонам. Ни расслабиться, ни пройтись, взявшись за руки... разве только миль за триста от нашего городишки. Это ведь ненормально. Ты же понимаешь: настоящие отношения – это не только секс.

– Да знаю я. Знаю. Все это как-то... пресно, что ли. Бесцветно.

– А я о чем говорю? На твоём месте я бы его бросила. Верни себе свободу. Надо идти вперед.

Я думаю. Снова и снова прокручиваю в мозгу слова Софи и прекращаю отношения с этим Дирхедом. Через два дня позвонив ему. Вот так.

– Чарльз? Извини, что звоню тебе на работу. Но это важно. Чарльз, дело в том... вряд ли нам стоит видеться дальше. Мы заходим в тупик. Думаю, наши отношения... себя исчерпали.

Он, как всегда, исключительно вежлив. Немного помолчав (видимо, переваривал свалившееся на него), он извиняется за то, что немало попортил мне жизнь.

Я отвечаю, что моя жизнь ничуть не пострадала. Просто меня удручают отношения с женатым мужчиной, поскольку у них нет перспектив. И, по правде говоря, мне стало скучновато.

Вежливости в его голосе поубавилось. Он спрашивает: не он ли причина скуки? Он что, такой зануда?

Я торопливо возражаю: нет, не он. Но наши отношения действительно стали скучными. Они меня все больше утомляют. Надо ли себя мучить?

Он говорит, что мне недостает восприимчивости, и он давно это знал. По его мнению, я резка и бесцеремонна.

Я извиняюсь и снова пытаюсь ввести разговор в нужное русло. Чарльз, дело в том...

Разговор заканчивается обещанием с его стороны более не искать встреч со мной. И конечно же, в стенах «Старины и современности» мы будем общаться так, словно ничего не случилось. Слава богу, это единственное место, где я могу с ним столкнуться!

Итак, отношения порваны. Осторожно спрашиваю про котенка. О, котенка я могу оставить себе. Он терпеть не может кошек и называет их проклятыми убийцами.

Нам с кисой будет хорошо вдвоем. Разумеется, я не стану скучать по Чарльзу и по нашим встречам дважды в месяц, по четвергам. Разве мне нечем заняться? У меня полным-полно домашней работы. Целая гора неглаженого белья; скоро надеть будет нечего. Сделаю в квартире косметический ремонт. Свожу свою новую кисуню к ветеринару... Чуть остыв, я понимаю: мне будет не хватать Чарльза Дирхеда. При всех его недостатках я буду скучать по его изысканным манерам. Однако я не стану поддаваться жалости к себе. Не позволю моей драгоценной уединенности вышибить меня из колеи. Уединенность – моя спасительная раковина, куда я прячусь. Уединенность – вовсе не то же самое, что одиночество. Я всегда чувствовала, что заслуживаю уединенности. Я выбирала это состояние, хотела его и предпочитала всем остальным. Когда ты в уединенности, никто и ничто не могут тебя задеть и сделать больно. Возможно, схожие чувства испытывала моя мать, когда однажды решила, что с нее довольно. Я этого, наверное, никогда не узнаю. Задумываюсь о том, как мы с ней, должно быть, похожи. Что она сейчас делает? Как живет? Как уживается с собой? Чувство вины – тяжелая ноша. Поэтому я снова и снова твержу себе, что поступаю правильно. Все так, как должно быть.

Выражаясь словами моего деда, я мысленно желаю Чарльзу обрести все радости этого мира.

Мне очень хочется поговорить с отцом о письме.

Я приезжаю к нему воскресным днем. Идет дождь. Сильный. Его струи не барабанят, а лупят по крышам и окнам, как камни, брошенные шаловливыми детьми. Письму деда дождь не угрожает. Оно лежит у меня в сумочке, а мы с отцом пьем чай.

– Ты навещал бабуню? – спрашиваю я.

Удобный вопрос для начала разговора. Вполне невинный.

– Нет. Состояние было не совсем то.

Сегодня отец бледен. Вид усталый. Мне хочется спросить, как он справляется с болями. Хочется услышать о результатах его последнего посещения клиники. Мы редко говорим о его болезни. О ней отец мне рассказал несколько лет назад, но тут же добавил, что это не тема для обсуждений и затрагивать ее мы будем лишь по крайней необходимости. О посещениях клиники он тоже почти ничего не рассказывает. С его слов я знаю о некоем докторе Муре, но результаты обследований и в самом деле закрытая тема. Отец пресекает все мои попытки говорить о его состоянии. Я и не говорю. О своей болезни он узнал давно, но, будучи настоящим стойком, долго скрывал ее от меня. Бабуня до сих пор не знает, что он болен. Отец не хочет отягчать ей жизнь.

– Я собираюсь съездить к ней завтра, – говорю я отцу. – Целый месяц у нее не была. Надо поехать.

– Конечно поезжай. Она очень обрадуется. Я бы поехал, но сейчас не могу. Она сразу поймет...

– Ты прав, папа. Я скажу ей, что ты занят. И потом... есть у меня несколько вопросов. Хочу задать их бабуне.

– Что за вопросы?

– Подумываю заняться составлением генеалогического древа. – Я неплохо умею сочинять на ходу. – Сейчас люди стали больше интересоваться своими корнями. Вот и мне захотелось.

– Понимаю.

– Хочу спросить бабуню о твоём отце.

– О нём мало что известно. Он погиб во время войны, ещё до моего рождения. Это мы с бабушкой тебе рассказывали, и не раз. Твой дед был поляк. Бабушка любила повторять, что он был командиром эскадрильи и участвовал в битве за Британию, да хранит Господь нашу страну.

– А ты знаешь, когда именно он погиб? Точную дату? Я бы могла поискать материалы о нём.

– Мама говорила, он погиб в ноябре сорокового года. Она была беременна мною. Трудно поверить, правда?

– Во что?

– В то, что я когда-то был совсем маленьким. И что это было так давно.

– Конечно. Просто я думала, что ты имел в виду... Не важно. А у бабуни сохранилось свидетельство о браке?

– Помню, я как-то ее спросил. Она сказала, что свидетельство она потеряла, причем очень давно.

– Но я могла бы поискать в архивах. Как ты считаешь? В записях о регистрации браков.

– Я... Наверное. Да. Думаю, там что-то могло сохраниться.

– А твое свидетельство о рождении?

– Наверное, лежит в каких-нибудь бумагах. Вот только где? Может, тоже пропало. Я его давно не видел.

Мы пьем чай со вполне съедобным печеньем.

– Может, бабушка забрала свидетельство о рождении себе. Она всегда говорила, что у нее мои документы целее будут... Пожалуй, я его не видел с тех пор, как занялся оформлением пенсии. А это было так давно, что даже вспоминать не хочется. – Он мне подмигивает.

– Скажи, может, ты в детстве видел их свидетельство о браке?

Чувствую, что начинаю давить на отца, чего ни в коем случае нельзя делать.

– Нет, дорогая. Такого я не помню.

– А может, бабуня и не потеряла свидетельства и оно до сих пор у нее? Ты же сам говорил, что она всегда была очень педантична по части разных бумаг.

– Спроси ее завтра.

– У нее ведь должен быть еще один документ. Свидетельство о смерти твоего отца. Похоронное извещение, или как назывались тогда такие бумаги?

– Не знаю, Роб. Если оно и существовало, я его не видел. Бабушка не разбрасывала документы где попало. Так что все вопросы тебе лучше задать ей. Только одна просьба.

– Какая?

– Не проговорись обо мне.

– Что ты, папа? Ни слова.

– Это бы доконало ее сердце. У нее ясный ум, и она сразу бы все поняла.

– Обещаю, я ничем тебя не выдам.

– Ты у меня хорошая девочка.

– Возможно.

– Скажи, ты не торопишься? Мы могли бы еще выпить чая и посмотреть «Дорогу древностей». Кстати, у меня есть пончики.

– А варенье из крыжовника?

– Есть, но, к сожалению, не бабушкино. В «Теско» покупал. Какое-то фруктово-ягодное ассорти. Наверное, там есть и крыжовник.

К этому времени я чувствую себя запутанной и сбитой с толку. Я хорошо знаю отца и по его ответам поняла: он что-то скрывает.

Может, все-таки показать ему письмо? Нет. Повременю. Мне не хочется расстраивать ни его, ни бабуню.

Мы молча едим покупные пончики с покупным вареньем.

7

Войдя, Нина сразу впилась глазами в подаренный букет. Дороти это заметила и тоже посмотрела на цветы. Они несколько нарочито и даже вульгарно выпирали из эмалированного кувшина. Голодные девочки уселись за стол и принялись уписывать жареную картошку, яичницу и конские бобы – маленькие, мягкие и сладкие. Дороти собрала их сегодня, сгибаясь под раскаленным солнцем. Вообще-то, конские бобы поспевают позже, гораздо позже. Но девочкам требовалась еда, а выбор продуктов был невелик.

Нина пихнула локтем Эгги и подняла голову от тарелки.

– Дот, ты у нас никак цветочки собирать ходила? – спросила Эгги, подмигивая подруге.

– Нет.

– Значит, их тебе принесли? – спросила Нина.

– Да.

– Парень? – продолжала расспрашивать Эгги.

– Да, парень.

– А какой парень? – поинтересовалась Нина с набитым ртом.

«Не в пример вам, воспитанный», – подумала Дороти, удивляясь прямолинейности вопроса. Что значит, какой парень? Неужто Нина знала всех парней на свете? Однако любопытство девушек позволяло ей рассказать о неожиданном визите.

– Не кто иной, как командир эскадрильи Ян Петриковски. Он летает на «харрикейне». – Эти слова Дороти произнесла не столько для девчонок, сколько для себя.

– Говоришь, командир эскадрильи?

– А он собой ничего? – спросила Эгги, явно взбудораженная рассказом.

– Не знаю. Как-то об этом не задумывалась. Наверное. Скорее всего.

– Уж если бы он был красавчиком, ты бы заметила, – сказала Нина. – Ты же не настолько стара. И все-таки какой он из себя? И где ты его встретила?

– Сегодня. Здесь, на кухне.

Дороти сама удивилась своим словам. Неужели это было сегодня, совсем недавно, на ее кухне?

– Очень симпатичный, очень вежливый. Одним словом, иностранец.

– А чего ему понадобилось? – спросила Нина. – В смысле, кроме того, что мужикам обычно надо? – Эгги лягнула ее. Нина ойкнула и засмеялась. – Я же только спрашиваю. Правда, Дот? И ты не против поговорить об этом? Знаешь, посмотреть на этих поляков – у них руки, как осьминожки щупальца. Мы с Эгги над ними поржали. Помнишь, Эгги? Клянусь всеми чертями, посмотришь на них – можно подумать, они девок никогда не видели. Или у них там в Польше с этим напряг?

– Всё у них там есть. А то, что они... странные... Тяжело им сейчас. Они такие же люди. Им тоже хочется... отвлечься. Этот командир эскадрильи был вынужден бежать из своей страны, иначе немцы убили бы его. И все они не от хорошей жизни приехали к нам. Но твое предостережение, Нина, я запомню. Спасибо.

Дороти слегка улыбнулась, заслонив рот чашкой. Той, откуда пил командир эскадрильи. Чашку она так и не вымыла.

- А дальше? - спросила Нина.

- Что - дальше?

- Он тебе понравился?

- Нет, конечно.

- Врешь! - хором возразили Нина и Эгги.

Командир эскадрильи приехал к ней на следующий день, в самый разгар послеполуденного пекла. Июнь в этом году начался с жары. Дороти сразу узнала знакомый стук в дверь: громкий и уверенный.

Она предполагала, что он приедет снова, только не представляла, какую причину он придумает на этот раз. Дороти расправила передник, убрала за уши выбившиеся прядки и откашлялась. Некоторое время она глубоко дышала, стараясь сосредоточиться на дыхании. Все равно в горле стоял ком. Что это с ней? Она должна быть образцом собранности. Не допускать никаких посторонних мыслей, никаких фантазий. А у нее почти подгибались колени. Дороти снова вдохнула, глубоко и громко, и отправила за уши еще несколько прядок. Потом замурлыкала песенку, которую слышала по радио. Она должна выглядеть нормально и ни в коем случае не... Дороти распахнула дверь.

Улыбающийся командир эскадрильи прошел мимо нее, неся в руках какой-то объемистый и довольно тяжелый ящик.

- А это еще что такое? - спросила Дороти.

Она стояла склонив голову набок и уперев руки в талию. Тем временем Ян Петриковски водрузил ящик на кухонный стол. Дороти охватило любопытство, и она временно забыла про ком в горле, учащенное дыхание и струйки пота, заливающие ей подколенные впадины.

- Это вам подарок. Для вас, миссис Синклер.

- Ну зачем вы? Спасибо. Что за громадину вы принесли?

- Патефон. - (Дороти ойкнула.) - Вы любите музыку? Думаю, да. Я и в прошлый раз, и сегодня слышал, как вы напеваете. Значит, не ошибся, что привез вам патефон.

Дороти действительно любила напевать. В основном простые мелодии, где-то услышанные и оставшиеся в памяти. Ей даже нравилось танцевать, но мысленно, в мечтах. А пела она везде, занимаясь своими делами. Пение помогало не думать о войне, сбежавших мужьях, мертвых младенцах и погибших летчиках. Она привыкла петь.

По ее просьбе Ян перенес патефон из кухни в гостиную. Подарок занял свое место на невысоком буфете, откуда Дороти быстро смахнула тонкий слой пыли.

- Сейчас схожу к машине за пластинками.

- У вас есть машина? - Дороти сама удивилась наивности своего вопроса.

- Не моя. Служебная. Нашей эскадрильи. Попросил на время.

Из машины Ян принес большую коробку с пластинками и поставил рядом с патефоном.

- Простите меня, командир, но я не могу принять такой подарок. - Дороти вспомнила о приличиях. - Боюсь, вы напрасно везли его сюда.

Ей самой были противны эти недовольные, осуждающие интонации в собственном голосе.

- Тогда давайте считать, что я просто одолжил его вам... пока для меня не настанет время уезжать... возвращаться на родину. Хотя не знаю, когда это будет.

- Одолжили?

- Да. На самом деле патефон не мой. Он принадлежал другому человеку, прекрасному английскому летчику. Мы познакомились, когда я только-только приехал в вашу страну. Он был щедрым и очень доброжелательным человеком. Он попросил меня: если с ним что-нибудь случится, позаботиться, чтобы патефон попал в хорошие руки и приносил радость. Вот я и подумал о вашем тихом доме и о ваших девушках, о которых вы мне рассказывали. Они же совсем молодые и наверняка любят танцевать. Вы, вероятно, тоже?

- Танцевать? Я? Нет.

- Да.

- Нет.

- Ну, это мы посмотрим. Так что патефон ваш, пока он вам не надоест. Слушайте пластинки, наслаждайтесь музыкой.

- А вашим летчикам он что, не нужен? Им не хочется развлечься?

- У нас есть приемники. И потом, у нас устраивают танцы. Ближайшие будут в субботу. Я приглашаю вас и ваших девочек. Будьте моими гостями.

- Но я не танцую. Особенно на... на публике.

- Я же не сказал, что вам обязательно нужно танцевать. Мы можем посидеть и поговорить, как добрые друзья.

- Вот это мне нравится. Уверена, что Нина и Эгги запрыгают от радости. Они уже бывали у вас на танцах. Им очень понравилось.

- В такие времена, как сейчас, нельзя отказывать себе в развлечениях. Моим ребятам пока не разрешают летать. К счастью, есть, пить и развлекаться нам не запрещают. И виноватыми мы себя не чувствуем. - Командир эскадрильи улыбнулся. - Итак, в субботу, к семи вечера я за вами заеду.

– Хорошо, – сказала Дороти, широко улыбаясь вопреки тревожным предчувствиям. – Не могу обидеть вас отказом. Но танцевать я не буду.

Где-то в половине шестого с работы вернулись ее уставшие, чумадые девочки. Едва увидев патефон и пластинки, они начисто забыли про тяжелый день и ноющие спины. Обе принялись рыться в пластинках, выискивая свои любимые. Эгги обрадовалась, обнаружив несколько записей в исполнении Билли Холидей.

– Дот, ты обязательно должна послушать, как она поет!

Дом наполнился странным женским голосом, сбивчивым и в то же время сильным. Ритмичные, полные энергии песни расшевелили не только девушек, но и Дороти. Ей сразу понравился голос этой американки, в котором удивительным образом переплелись радость и грусть. В тот вечер они забыли о войне. Никто не заводил привычных разговоров вроде: «Еще год, и все будет кончено... Еще полгода, и все будет кончено... Еще каких-нибудь полтора месяца, и Гитлер окажется здесь. Мы потеряем свободу, а Черчилля немцы вздернут и потом...»

– Нина, танцуем! – крикнула Эгги.

Она буквально стащила со стула свою рослую и крепкую подругу и закружила по комнате. Раскрасневшаяся Эгги весело смеялась.

Дороти шила и с улыбкой смотрела на девочек. Затея командира эскадрильи пришлась им очень по вкусу. Он оказался прав. Конечно же, девчонки любят танцевать. И музыку любят. Что тут удивительного?

– Я же вам про главное не сказала! – спохватилась Дороти. – В субботу нас пригласили на танцы. Будем личными гостями командира эскадрильи.

– А мы уже знаем! – Нина плюхнулась на диван и отвела со лба прилипшие волосы. – Нас тоже пригласили. Все наши из Земледельческой армии там будут.

– Ты что наденешь? – спросила Эгги. – Я пойду в своем голубом платье.

– Пока не знаю. Меня это не особо волнует. Могу и в униформе пойти. Зато какое там угощение! В прошлый раз столы ломались. Представляешь, Дот? Это надо видеть. Пирожные. Мармелад. Куча всяких сэндвичей. Налопалась я там за милую душу.

– Теперь понятно, почему ты заговорила об униформе! – ехидно усмехнулась Эгги. – Ты боишься, что платье на тебя уже не налезет.

Эгги кружилась по комнате, танцуя с воображаемым партнером. Ее светлые волосы так и порхали за спиной.

– Это ты у нас дохлая. А у меня – здоровый аппетит. Правда, Дот?

– Да, Нина, на аппетит ты не жалуешься. Кстати, покажи мне свое платье. Может, я смогу с ним что-то сделать.

Платье Нины было из светло-зеленого батиста с таким же матерчатым поясом. Довольно старое, оно требовало не только подгонки по фигуре, но и починки в нескольких местах. К счастью, оно было сшито с припуском. Дороти попросила Нину примерить платье и в нужных местах распустила швы, заколов булавками. Переделка оказалась удачной. В обновленном платье Нина выглядела просто замечательно. Зеленый цвет гармонировал с ее каштановыми волосами, лицом, обожженным деревенским солнцем, и такими же загорелыми руками. Конечно, красавицей назвать Нину было трудно. Если говорить честно, она была толстушкой. Однако Дороти испытывала что-то вроде материнской гордости, глядя на улыбающуюся девушку в ее преображенном платье.

В пятницу Дороти провела осмотр своего гардероба, решая, что? завтра наденет. Для особых случаев у нее имелось три платья. Первое было красным, шерстяным, с длинным рукавом и больше годилось для зимы. Когда-то оно было ей в обтяжку, но теперь оказалось свободным. Родив Сидни, она за считанные недели очень похудела, а потом так и не сумела набрать вес. Красное платье, длиной чуть ниже колена, неплохо показывало ноги, и это ей нравилось. Особенно хорошо выйдет, если она наденет черные туфли на высоком каблуке. Ее ноги по-прежнему оставались красивыми.

Было у нее и узорчатое сине-зеленое хлопчатобумажное платье. Оно быстро мялось, но, самое главное, уже не соответствовало ее возрасту. Может, Эгги захочет его надеть. И наконец, третьим выходным платьем Дороти было летнее, из набивного ситца, с мелкими черными, белыми, розовыми и оранжевыми цветочками. Дороти очень любила это платье с его по-летнему короткими, пышными рукавами. В нем ей было удобно и приятно, как в одежде, к которой успел привыкнуть. Для июньского бала оно великолепно подходило. С ним можно надеть розовый кардиган и дополнить наряд коричневыми туфлями. Неброский и восхитительно подходящий наряд для почти сорокалетней женщины, бездетной и, скорее всего, вдовы.

Повязки с ее живота уже сняли. Кожа на лице была розовой, но краснота и воспаление исчезли. Боль почти прошла и ощущалась, только если дотронуться. Дороти припудрила место ожога, просто чтобы посмотреть, как это будет выглядеть завтра вечером. Вполне приемлемо. Она рассматривала платья, висевшие на дверце гардероба и разложенные на кровати. Все они нравились ей и сейчас, но если больше никогда не придется их надеть, она тоже не будет переживать. Ею владело безразличие: ужасное, полное безразличие, к которому она привыкла за прошедший год. Однако для завтрашнего торжества все-таки надо что-нибудь выбрать.

Три платья. Один бал. Одно решение. И всего один кавалер.

Насчет угощения Нина оказалась права. Раскладные армейские столы поражали обилием сэндвичей, мармелада, бисквитов, колбасок и даже пирожных. По углам зала стояли большие баки с кипятком. Желаящие могли выпить некрепкого пива и сидра. На нескольких столах Дороти даже увидела бутылки с вином. Взяв чашку чая и маленький сэндвич, она села в углу. В зале непрерывно гремела музыка. Британские и польские летчики смеялись и танцевали с приглашенными. Свинг – кажется, так называлась эта музыка. Дороти она понравилась. Звуки парили под потолком, стремительно ныряли вниз и потом столь же стремительно взлетали. Дороти смотрела на танцующую молодежь, стараясь держать в поле зрения своих девочек. Сейчас обеим было не до нее. Розовощекие, они танцевали и смеялись. Их недавно завитые локоны подпрыгивали, ударяясь о крепкие молодые плечи. В сравнении с ними Дороти ощущала себя вялой, а свое присутствие на танцах – неуместным. Как хорошо, что она сидит в углу.

В гостях и на вечеринках ей нравилось сидеть в углу. Для нее не было ничего хуже, чем попасть в большой круг гостей и чувствовать, что ее не замечают. Нет, было, когда она оказывалась запертой в подобном кругу, среди глупых людей, которые задают глупые вопросы и мельтешат перед глазами. А как противно, соблюдая приличия, смеяться шуткам, смысла которых не понимаешь. Нет, уж лучше сидеть дома, одной, в тишине. Дороти откусила кусочек сэндвича с рыбным паштетом и мысленно задалась вопросом: какого черта она согласилась пойти на эти танцы? Командир эскадрильи Петриковски заехал за ней на служебной машине ровно в семь вечера. Широко улыбнулся, сделал комплимент по поводу ее платья. Дороти было и приятно, и неловко. Принаряженные, возбужденные девушки уселись на заднее сиденье и всю дорогу болтали и хихикали. Нина положила глаз на одного парня, с которым надеялась «покалякать» на танцах. В машине военных летчиков пахло соломой, кожей и сигаретами. У Дороти закружилась голова. Они ехали мимо лужаек, зеленых изгородей, деревьев и цветов, домов, пешеходов и велосипедистов. Все это стремительно проносилось мимо.

Зал пульсировал от всплесков молодой энергии. Вокруг болтали, смеялись, ревновали и злословили. Дороти продолжала наблюдать за Эгги и Ниной, а также за остальной танцующей, флиртующей и смеющейся молодежью. Командиру эскадрильи было не до танцев. Он постоянно перемещался по залу, следя за тем, чтобы музыка была громкой, но не оглушительной. Дороти видела его беседующим с соотечественниками и с английскими летчиками. Говорили, что вскоре будет создана польская эскадрилья. Как здорово, что командир хорошо владел английским и не испытывал трудностей в общении. Казалось, всем хотелось побеседовать с Яном Петриковски. Он умел очаровывать людей, обладал какой-то магией притягательности. Но все, что в данный момент чувствовала Дороти (точнее, то, что она, возможно, начинала чувствовать), казалось ей совсем не важным. Дороти незаметно наблюдала за ним, потом искала глазами девочек, а найдя, снова поворачивала голову в его сторону. Сейчас командир эскадрильи разговаривал с несколькими женщинами из ее деревни. Те кивали, улыбались и поедали его глазами, не забывая одновременно набивать рты угощением.

В угол, где сидела Дороти, забрели две односельчанки – Сьюзен и Марджори. Дороти была с ними едва знакома, но вежливо улыбнулась, когда они расселись по обе стороны от нее.

Женщины принялись расспрашивать, как она себя чувствует. В деревне до сих пор говорят о ее храбром поступке. Она знает об этом? Ее считают героиней.

- Ничего особенного я не сделала.

- Да бросьте!

- Я серьезно.

- Сделали или не сделали, но впечатление на польского командира эскадрильи вы произвели!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Польское слово «babunia», аналогичное нашему «бабуля». – Здесь и далее прим. перев.

2

Английское слово «evergreen» переводится как «неувядающий», «вечно живой», «вечнозеленый».

Крупная сеть американских книжных магазинов, прекратившая существование в 2011 г.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/luiza-uolters/chemodan-missis-sinkler-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)